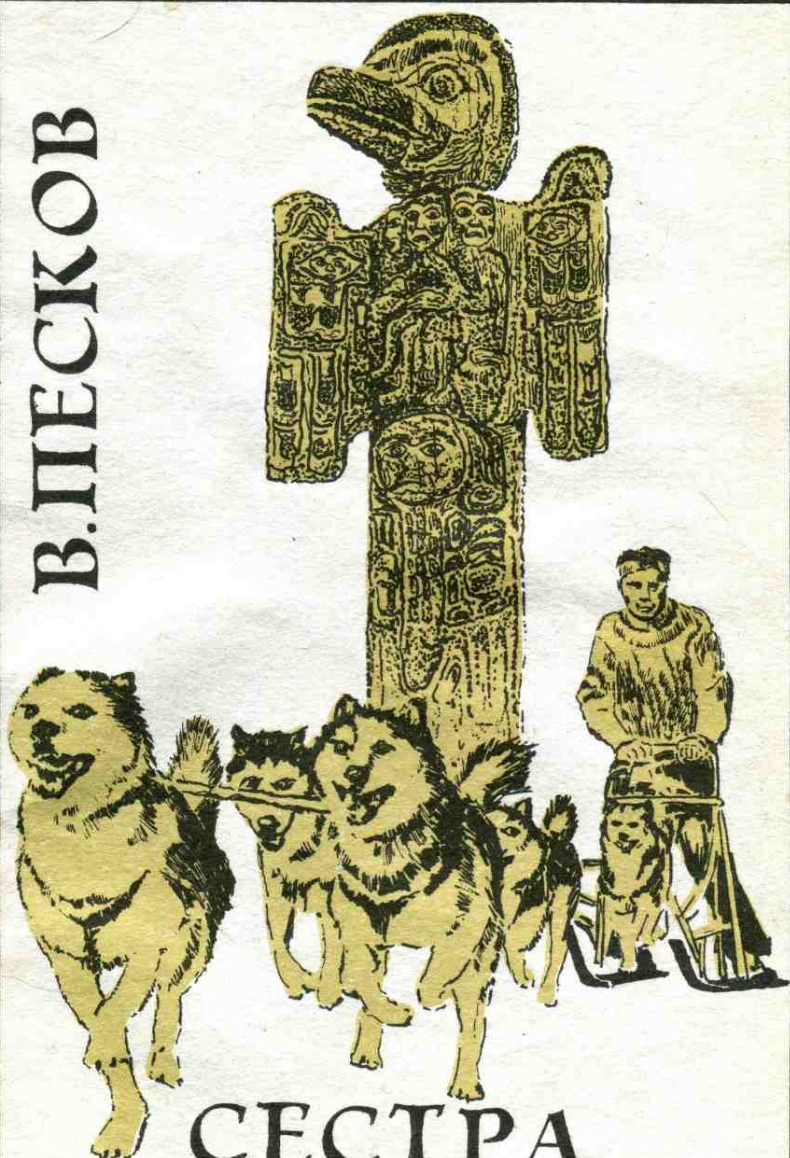

В. ПЕСКОВ

СЕСТРА
АЛЯСКА

Издается с января 1957 года

В. ПЕСКОВ

СЕСТРА АЛЯСКА

«АЛЯСКА БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВЫ ДУМАЕТЕ...»

Один из правителей русской Америки Кирилл Хлебников в начале прошлого века писал, имея в виду Аляску: «Сей соседственный нам край мало известен». Не знаем Аляску мы и сегодня.

— Ты загорел. Откуда?..

— Да вот вернулся...

— Загар на Аляске?!

Пожалуй, все знают, что Аляска была когда-то русской и что потом Аляску почему-то продали. Полагают, что и сегодня Аляска жива добычей золота и мехов. Ну и, конечно, что это край белых безмолвий, снегов, морозов. И ничего нет в ней больше. Последним представлением об Аляске обязаны мы Джеку Лондону. Но любимый нами рассказчик был на Аляске недолго, был в зимнее время, был в континентальной части Аляски (Верховье Юкона), где морозы не уступают нашим якутским. И, самое главное, был Лондон калифорнийцем, южанином, для него и Вологодчина наша показалась бы белым безмолвием... С представлением об Аляске по Лондону приземлились мы, помню, в Анкоридже, в феврале — шубы, треухи, унты. И встречены были восторженным воплем телевизионщиков: «Не снимайте, оставайтесь, пожалуйста, в шапках!» Сами они были без головных уборов и в куртках, какие носят у нас в апреле. Температура была минус два градуса.

Теперь, побывав на Аляске три раза, увидев многие ее уголки, могу сказать: на редкость разнообразный край! Существует по крайней мере шесть разных Алясок. Есть полярная зона («северный склон»), где, помните, три кита оказались в ловушке. Зимой в том крае шестьдесят семь суток длится непрерывная ночь, а летом такое же время солнце не уходит за горизонт. Те, кто знает наш север, легко представят здешнюю жизнь. Людей немного. Коренное население — эскимосы. Есть и южане — учителя, медики, добытчики нефти. Они терпят север за хорошие деньги. Нефтяников по строгому графику привозят сюда самолеты. Символ этого края — белый медведь.

А теперь отыщите на карте аляскинский юго-восток. Американцы эту часть штата называют «ручкой от сковородки». Прилетев сюда с севера, чувствуешь себя попавшим едва ли не в тропики — леса из необхватных вечнозеленых деревьев (ели и кедры) покрыты мхами, сумрачно, влажно. Море не замерзает. На побережье в погожий день, как в Крыму. Но поскольку солнце гость тут не частый, то оптимисты говорят: «место вечной весны», пессимисты — «вечная осень». Символом этих

мест является любящий воду белоголовый орлан. Но по контрасту с белым медведем стоит назвать не столь приметную как орел, но характерную птицу-южанку колибри! Она тут гнездится.

Вы скажете, как же так, по широтам Аляска — это наша Чукотка, почему же такая теплынь? Объяснение есть. Во-первых, «ручка от сковородки» все же южнее Чукотки, во-вторых, хребты гор на Чукотке тянутся с юга на север и арктический воздух течет между ними беспрепятственно вниз. На Аляске же горы тянутся вдоль параллелей и служат барьером северным холодам. Мало того, юго-восточную часть Аляски «отапливают» японское течение Уясиво и теплые юго-восточные ветры Тихого океана. Они смягчают климат и там, где друг за другом тянутся в океан Алеутские острова. Тут нет лесов, но еще первые мореходы, открывавшие Русскую Америку, были очарованы изумрудной зеленью островов. Край этот ветренный и туманный, с климатом относительно мягким. Так же, как на Камчатке, наблюдается тут растительный гигантизм. На острове Уналашка я собирал морошку, походявшую на гроздь красной икры. Ее и называют тут: «лососевая ягода».

В местах Джека Лондона — верховья Юкона — я побывал летом. Трудно было поверить, что ты на севере. Почти туркменское колючее солнце жгло кожу, собаки лежали с высунутыми языками, сороки сидели на ветках с раскрытыми клювами, дрозд на гостиничном подоконнике трепетанием крыльев охлаждал изнемогших в гнезде птенцов. Градусник в тот день показывал по Фаренгейту 94, по Цельсию — 35. Это центральная, континентальная часть Аляски. Летом тут возле Юкона созревают помидоры, зимой же — Джек Лондон не преувеличивал — Белое Безмолвие с морозами под пятьдесят. Символы этого края — медведь и дикий олень. За стадами оленей когда-то бродили тут индейцы племени Атапаска. Я гостил в их рубленной из еловых плах деревеньке. Для охоты сезона не было. Но мы о ней много и интересно поговорили и посмотрели видеозаписи.

А теперь переведем взгляд на карте к местам, где Аляска глядит на запад, через Берингово море, в Сибирь. Тут с Чукоткою много сходства, хотя климат все же помягче. Лесов почти нет. Тундра, то равнинная, то всхолмленная, то горбящаяся горами; почти всегда ветреная, неудобная, однако не лишенная красоты. Есть в ней особая, на весь мир известная Дельта, образуемая двумя великими реками — Юконом и Кускокуимом. В Соединенных Штатах по величине эти реки стоят в таком порядке: Миссисипи, Миссури, Юкон, Кускокуим. Две великие артерии, собирая водную дань с просторов Аляски, близ впадения в океан, сближаются и образуют гигантский мир равнинных болот, где суши меньше, чем вод и топей. На Аляске более трех миллионов озер. Большая часть из них приходится на знаменитую Дельту. Нетрудно представить, сколько летом бывает тут разных птиц и, разумеется, комаров.

Тут в Дельте и на линии побережья в редких деревеньках живут эскимосы. Из животных символом этих мест является гусь, куропатка и морж. В островной деревеньке Гэмбл мне сказали: для них, пожалуй, главным кормильцем является кит. Попробовал я китового мяса. И сидел на китовых костях, которых тут так же много, как дров в какой-нибудь сибирской деревне...

Названо несколько ярких выразительных природных зон. Но сколько на Аляске разных оттенков, полутонов. Тут есть высочайшие горы. Пролетая в 1975 году через полюс в Америку, с большой высоты я видел только вершины. Они протыкали серую пелену облаков и сияли на солнце сахарной белизной. Есть тут громадные глетчеры — текущий

с гор лед. Когда летишь вдоль южного побережья, то видишь эти зелено-белые языки, «наглядное пособие», помогающее понять: хрупкий лед в то же время текуч, пластичен. Реки, рожденные ледниками, мутные, беспокойного нрава. Глядя сверху, например, на Танану, текущую в Юкон, трудно определить русло: бесчисленные протоки, острова, мели. Река даже в солнечный день выглядит серой, безжизненной. А на южном побережье глетчеры обрываются в море и плавают в нем синезелеными призраками, возле которых вдруг видишь задранный хвост кита, лежащего на спине калана, прыгающих от возбуждения перед входом в ручьи лососей.

На Аляске множество тихих, отражающих горы озер. В них видишь вдруг спасающегося от комаров лося, севший на воду самолет или рыболова-медведя у текущего из озера ручейка. Люди тут появляются половить рыбу и побыть в одиночестве.

Леса Аляски называются русским словом «тайга». Так же, как и в Сибири, они бескрайние — почти половина территории штата, так же летом они горят, есть в них множество ягод таких же, как и в Сибири, есть и грибы — радость лосей и индейцев (пришлые люди грибов не едят). Леса центральной Аляски напоминают нашу тайгу где-нибудь возле Братска — довольно угрюмы и с первого взгляда безжизненны. Южнее, там, где видишь сверху блестящие озера, пейзаж напоминает Финляндию. А полуостров Кенай — южная часть Аляски, в свое время хорошо обжитая русскими, — это наша Ленинградская область: огромные сосны и ели, заросли бузины и шиповника, розовые поляны иван-чая, грибы-мухоморы.

В здешних чащах обитает много лосей, рядом с бурым медведем живет барibal (черный медведь), встречается рысь, видишь следы зайчишек, летают ястреба и полярные совы. Об этом надо поговорить особо, потому что мир животных на Аляске чрезвычайно богат. А что касается леса, то видишь в нем вдоль рек тополя и ольху, осину, ивняк, березу. Нет почему-то кедрового стланца, которым богата наша Чукотка. Савва Михайлович Успенский, замечательный наш знаток Севера, сказал, что чувства справедливости бог не лишен. Аляска способна жить и без кедра, обитателям же Чукотки — медведям, соболям, разным птицам без кедровых орехов никак не прожить.

Есть на Аляске вулканы — спящие и активные. Есть вечная мерзлота. На севере она сплошная, южнее — линзами. Я видел горе одного поселенца около Фэрбанкса, которому «посчастливилось» построить дом как раз на такой линзе. Через два года дом осел, разломился. Тут часты землетрясения, последнее крупное было в 1964 году — более сотни погибших и немалые разрушения. На острове Уналашка нас ночью подняли с постелей сиреной — сотни людей в потемках поднимались на гору из-за боязни, что город накроет волна цунами, нередкий спутник землетрясений.

Как видим, Аляска — разнообразный край. Летом, если глядеть сверху, она синезеленая от лесов и воды. Осенью, недели три во время «индейского лета» («бабье лето» по-нашему) Аляска вся в желтом и красном. Зимой цвет у нее черно-белый. Зимой пахнет Аляска снегом, дровяным дымом, собаками — их тут нередко по два-три десятка около дома. В июне Фэрбанкс, второй по величине город Аляски, настоян был на черемухе. А чуть позже Аляска начинает пахнуть рыбой — свежей на реках, на ручьях, на озерах, на речных и морских пристанях, в деревнях же и речных станах — повсюду запах копченой рыбы. Глянешь на дощатый сарайчик — вьется над ним синеватый дымок. Это значит горит под

крышей ленивый костер, а над ним, на жердях, висят распластанные лососи.

Разнообразна и часто непредсказуема аляскинская погода. Улетая в Ситку — место «вечной весны», мы прихватили зонты, но в бывшей столице Русской Америки было три дня типично крымской погоды, а вернувшись в Анкоридж, где полагалось быть ведру, увидели затопленные дождем улицы. Большая Америка в прогнозах погоды по телевидению Аляску игнорирует, как будто ее и нет. Зато сама Аляска прогнозу погоды ежедневно уделяет тридцать (!) минут... С пулеметной скоростью идет рассказ о температурах, давлении, приливах-отливах, о состоянии рек и озер, о характере и интенсивности осадков во всех уголках громадной земли. В эти полчаса вся Аляска сидит у телевизоров. Кому-то надо лететь на маленьком самолете, плыть на лодке, на катере, добираться куда-то на снегоходе или на лыжах, и надо прикидывать, как одеться, где придется искать на случай задержки приют. При бездорожье, различии климатических зон и специфическом транспорте новости о погоде на Аляске — важнейшие новости.

Если вы хотите доставить аляскинцу удовольствие, скажите: «Аляска — это не штат, Аляска — большая страна». Вы скажете правду. Аляска очень большая. В одном из туристских проспектов я прочел изречение: «Аляска больше, чем вы думаете».

«Аляску нельзя разглядеть в один раз. Приезжайте еще!» Техасцы в Америке любят говорить, что их штат самый крупный. В южной своей гордыне забывают они об Аляске. Она в два раза больше Техаса. Аляскинцы всюду — в книгах, буклетах, на открытках — любят силуэт штата накладывать на контур остальной Америки. Получается одна пятая всей территории. Есть чем гордиться — более двух тысяч километров с юга на север, почти четыре тысячи — с запада на восток. А что касается береговой линии, то острова, полуострова, заливы, проливы, бухты, фиорды образуют причудливое кружево, скрытое мелкомасштабной картой и представляющее в неописуемой красоте, когда это видишь не на бумаге, а в красочном естестве. Вот почему аляскинцы так убивались, когда потерпел аварию танкер с нефтью. Нефтяная волна осела на живописнейшем кружеве берегов залива принца Уильяма.

Обнаружение Аляски завершило эпоху великих географических открытий. На карте 1714 года в том месте, где мы сегодня видим Аляску, была пустота. Русские землепроходцы, прошагав всю Сибирь, не остановились на берегу Океана, а двинулись далее в море. В 1714 году нога европейца впервые ступила на сушу, которую местные жители называли Аляска (Альежка, Аляска, Алясхан), что означает «Большая земля». Это слово, однако, утвердилось значительно позже. Первоначально Аляска называлась Русской Америкой. Северо-запад Нового Света постепенно обретал контур на картах. Но говоря образно, Аляску открывали и закрывали несколько раз сообразно с ценностями каждого времени. Этот край пережил несколько лихорадок. Первой была меховая, она способствовала открытию и освоению края русскими. Потом об Аляске заговорили в связи со страстями, кипевшими вокруг золота. В 1968 году началась нефтяная лихорадка.

Нефтяное богатство в тысячи раз превосходит стоимость всех добытых мехов и золота. Один лишь нефтепровод для транспортировки горячего стоил девять миллиардов долларов. У нефтяной бочки, однако, имеется дно. И уже предсказано, когда иссякнет невозобновляемый

продукт. А посему Аляска не в лихорадочном темпе, а планомерно и осторожно вводит в экономический оборот ценности, которые не иссякнут, если использовать их разумно. Одна из ценностей — рыба. Аляска в Америке — главный ее добытчик. Вторая ценность — нерастоптанная человеком природа. Красота ландшафтов, первозданность всего, что видишь, богатство животного мира, возможность уединиться делают Аляску последним незагаженным храмом дикой природы. И с каждым годом эта ценность для человека будет лишь возрастать. Уже и сегодня туризм, охота и спортивное рыболовство являются на Аляске важнейшей статьёй дохода, стоящей следом за нефтью и коммерческим рыболовством. Выгодное географическое положение делает Аляску доступной для жителей всей земли. Я тут встречал филиппинцев, французов, австралийцев, японцев, немцев, бразильцев. Бог даст, и мы оправимся от безденежья и тоже сможем сюда заглядывать — это же рядом.

В ласковом слове «Аляска» есть какая-то магия. Индустрия туризма эксплуатирует слово всеми возможными средствами. Значки, поясные ремни, майки, куртки, кепки, кружки, книги, открытки, железнодорожные вагоны, шоссейные трейлеры, обложки журналов — всюду броское аппетитное слово «Аляска».

Говоря о природных ценностях края, важно заметить: Аляска защищена и законами, и заботами, и культурой от вездесущего ныне разрушения и осквернения природы. Путешествуя, я не увидел тут ни свалок, не видел ни одной лужи разлитой нефти, ничего оскорбляющего глаза. Конфетную обертку тут бросить неловко. Сидя с шофером в машине, я протер объектив и приготовился сдунуть в окошко пушинку ваты. «Нельзя! — остановил мою руку шофер. — Могут оштрафовать». Самая популярная надпись, самый популярный значок представляют собой три слова и красный бурячок сердца — «Я люблю Аляску!»

Кто живет на Аляске? Двести пятьдесят лет назад русские мореходы и промышленники обнаружили тут алеутов, индейцев и эскимосов. Эти пришельцы из Азии осели тут примерно пять тысяч лет назад, приспособившись к здешним суровым условиям. Индейцы племени Атапаска жили тем, что давали им реки и лес. Они били лосей, медведей, бобров и кочевали со стадами диких оленей. Алеутов кормило море. На легких одноместных и двухместных лодках из кожи — байдарках алеуты плавали в океане. Эскимосы охотились на моржей, тюленей, китов, били дичь в тундре. Это были дети природы, полностью от нее зависевшие и приспособленные жить на грани возможного.

Появление белых людей на Аляске не могло не коснуться жизни аборигенов. Но пострадали главным образом алеуты, культура которых была разрушена сибирскими добытчиками пушнины. В наши дни цивилизация белого человека опрокидывает вековые устои жизни индейцев и эскимосов при всей очевидной заботе о них. И это стоит отдельного разговора. Здесь же скажем: аборигенов сейчас на Аляске примерно 70 тысяч. Около 40 тысяч эскимосов, 25 тысяч индейцев, 7 тысяч без малого алеутов.

Всего на Аляске живут полмиллиона людей. Из них ровно половина — в Анкоридже, в самом крупном городе штата. Остальные города небольшие. Аляскинский старожил Дик Коллин мне так их представил: «Анкоридж — экономика, Джуно (столица) — политика, Ситка — история, Кодьяк — рыба, Ном (центр золотой лихорадки) — экзотика, Бе-

тел — провинция, Барроу — север, а Фэрбанкс (Дик живет в Фэрбанксе) — и это лучшее место для жизни, «деревня с городом впережку».

Ни в одном штате Америки нет деревень. Есть фермы, города и поселки. Деревень нет. На Аляске же есть. Я в нескольких был. Помню запах деревенского дыма, лай собак, не закрытые на замок двери, гуси вялятся на шестах, коптится рыба, скоблят медвежьей шкуру, растянутую на раме. У многих деревушек есть взлетная полоса, во всех — хорошие школы, везде — «тарелки» спутниковой связи, магазин, почта, мальчишки носятся на вездеходах, старики сидят на скамейках либо на китовых костях возле домов...

И есть на Аляске жилец особого рода. Он не терпит ни города, ни деревни. Его домик спрятан в лесу, и только почтовый ящик возле дороги скажет тебе: кто-то живет. А есть такие, что не выносят и близость дороги. Живут где-нибудь на озере, на ручье — моют золото или охотятся. В рубленой хижине — «аляская» дровяная печь, электричества нет, а значит нет и телевизора, за водой ходят к ручью, под подушкой у такого аляскинца — пистолет. В городке, куда он изредка выбирается за продуктами, его сразу узнаешь по небрежной одежде, по бороде, по манере держаться. Вот объявление в журнале «Аляска» одного из таких: «Нужна жена склада викингов, которая разделит со мной жизнь на хребте Брукса. Мне сорок два. Я здоров как медведь. Но устал от одиночества. Люблю природу и жизнь без сутолоки. Есть аэроплан. Образование получил в колледже. Дж. Ларини». Такие Аляске не изменяют. Но и те, кто живут в городах и поселках, говорят: «Мы сначала аляскинцы, а потом американцы». К выходцам из «нижних 48» (так называют тут жителей всех остальных штатов) отношение снисходительное: «Знаем, поживут год-другой и уедут». Среди тех же, кто тут остался, наблюдаешь трогательное «северное братство». На острове Баранова меня на маленьком самолете специально свозили к столетнему старику Фреду Баговику — познакомиться. Фред семьдесят лет живет на Аляске. А тетушка Лини Такер дожила тут до 111 лет. Ее именины в последний год жизни отметила вся Аляска, даже президент Соединенных Штатов прислал старушке подарок и телеграмму.

Аляска сорок девятый американский штат. Со дня покупки этой земли у России (1867 г.) до 1950 года «полярный привесок Америки» назывался «территорией» и был некой заморской полуколонией. Борьба за статус штата была упорной. И победу хорошо помнят. Теперь у Аляски все «как у людей». Своя экономика, свое правительство, свой гимн и девиз («На север, в будущее!»), свои живые символы — цветок незабудки и полярная куропатка. Аляскинский флаг на всех флагштоках развевается в паре с полосатым флагом Соединенных Штатов. Он синего цвета и на нем золотом — ковшик Большой Медведицы и Полярная звезда. Оформление флага придумал семиклассник Бени Бенсон, победивший на аляскинском конкурсе школьников. Аляскинцы любят свой штат, гордятся его самобытностью и, подобно техасцам, имеют слабость к милому хвастовству. На ярмарочном щите близ Анкориджа я прочел: «У нас на Аляске самые рыбные реки, самые большие медведи, самые крупные лоси, самые высокие ели, самая большая нефть». Чуть ниже — приписка синим фломастером: «И самые высокие цены». А еще ниже — опять приписка: «Но и зарплата — дай бог!» Все верно. Плотник Крис Линг, с которым мы ездили на рыбалку, получает тридцать три доллара за час работы...

Перечитал написанное. Получилось что-то вроде «введения в Аляску». Остается сказать немного о транспорте. Семь недель путешествия были сплошной дорогой и одолением бездорожья. В годы Джека Лондона основным транспортом в этом крае были собачьи упряжки. Поклажа искателей золота, утварь кочующих индейцев, перевозка грузов и почты — все на собаках. Собачий транспорт продержался до середины шестидесятых годов. Вытеснять его начали самолеты, а прикончили вездеходы, снегоходы, моторные лодки, автомобили. Собак, однако, не перевели. Они есть повсюду, и в немалом числе. Гонки собачьих упряжек — национальный вид спорта Аляски. Но в индейской деревне на Юконе охотник-трапер показал мне легкие деревянные нарги и дюжину резвых голубоглазых сибирских лаек — «доверяю только собакам». Но это лишь исключение, сегодня Аляской движет мотор, автомобильный в первую очередь. Тут немало очень хороших дорог. Из Анкориджа через Фэрбанкс и канадский Доусон можно попасть в «нижние 48» — дорогу построили в 42-м году, когда японцы ущипнули Аляску со стороны алеутской гряды островов. Еще одну большую дорогу проложили вдоль нефтепровода. Она покрыта лишь щебнем. Но езда по ней интересна — мы увидели всю Аляску от ледового побережья до южных незамерзающих вод. Есть тут и рельсовый путь, идущий из центра Аляски к югу. Пассажирские поезда хороши на этой дороге тем, что садиться в них можно вместе с автомобилем, вагоны в поезде двухэтажные, с почти сплошь застекленным верхом и (прелесть!) поезд может остановиться в самом неожиданном месте, чтобы забрать охотников, убивших лося, или заплутавшего сборщика ягод.

На лодке мы проплыли более ста километров по Юкону. А во все удаленные от Анкориджа точки добирались на самолетах, на рейсовых — полтора часа в самый дальний конец, и на маленьких самолетах, их называют тут «буш-авиация» («кустарниковая авиация»). Раз десять сидел я в такие машины, прощаясь мысленно с жизнью, потому что приземлялись мы на горном хребте, на речной гальке, на леднике, на морской отмели, на сухом пятачке, возле свайной эскимосской деревни. Но ничего, бог миловал. Не зря аляскинских «буш-пилотов» считают лучшими в штатах. На Аляске маленьких самолетов «только чуть меньше, чем комаров». «Буш-пилоты» были героями освоения этого края. А сегодня они доставят вас в такое место, куда ничем другим добраться нельзя.

Замечательная страна Аляска! Верно сказано: «Аляска больше, чем вы думаете». И она очень, очень красива. Американский географ Генри Ганнет советовал соотечественникам обязательно побывать на Аляске. Но не в молодости — «Пейзажи здесь столь величественны, что после них вас уже ничто в жизни не восхитит».

Двести пятьдесят лет назад первыми этот край увидели русские мореходы.

РОДИМОЕ ПЯТНЫШКО СЕВЕРА

Летим на Север. На Крайний Север, туда, где на карте фиолетовым цветом помечен район притяжения людей — крошечное, с просяное зерно родимое пятнышко азиатского лика Аляски.

— У каждого времени свои ценности. Охотились за мехами, пережили золотую лихорадку, теперь — нефть. По сравнению с ней преж-

ние страсти кажутся детскими играми. Нефтяной бум в несколько лет изменил жизнь Аляски...

Это говорит мне нефтяник, летящий на вахту в район залива Прудхо. Семь суток по двенадцать часов он будет работать, потом — на неделю домой, потом снова сюда. Нефть идет из земли непрерывно.

Полтора часа лету. И вот я вижу легендарный «Клондайк» конца XX века. Все, что тут построено, очень похоже на поселения, какие люди, возможно, воздвигнут на Марсе. Равнина с синеющим океаном вдали, а на ней — как из детских кубиков красного цвета — собраны массивы построек, все компактно, чисто и аккуратно. Все спроектировано и построено на юге, в Луизиане, доставлено сюда кораблями и собрано, свинчено. В мареве летнего дня нечеткими издали кажутся вышки, трубопроводы, белые нити гравийных дорог, кубики насосных станций, электролинии. Среди всего этого чуждого и временного в тундре ходят олени стадами и в одиночку, не страшась совершенно железа, покрытого красной краской. Когда кончится нефть, все разберут и увезут на новое место, к новым находкам нефти. Ее ищут. Ищут на суше, на море, в пустынях жарких и ледяных. И тут ее долго искали. Знали от эскимосов: она есть. Русские промышленники за четырнадцать лет до продажи Аляски сообщали отсюда: «Видели нефтяные ключи». Но теперь надо было найти запас нефти, годный для коммерческих разработок. Все, что тут нагоржжено, все затраты, связанные с работой в суровой Арктике, должны окупиться и дать прибыль всем: Америке в целом, штату Аляске, компаниям-нефтедобытчикам. Нефтяное море нашли, пробуриив сотни скважин, истратив впустую сто пятьдесят миллионов долларов. Разведку готовы были уже свернуть, но решили еще пробурить пару скважин в никому неведомом заливе Прудхо. И вот 18 февраля 1968 года отсюда пришло известие: «Есть!» И сразу же закипели невиданной силы страсти.

Сроки человеческой жизни и всего рода людского на планете Земля ничтожны в сравнении с возрастом нефти, дремавшей в земляных складах и пазухах. Аляскинской нефти 260 миллионов лет — гостинiec людям от времен динозавров. Все, что питалось теплотой солнца, что бегало, прыгало, ползало, зеленело, умирая, прессовалось землей, обращалось в маслянистую жидкость. Горячая, она лежала тут под коркой мерзлоты на глубине трех километров.

— Интерес к нефти люди проявляли давно. В южных странах ее наливали в светильники. Индейцы атапаски лечились и мазались нефтью перед сражениями. Сто пятьдесят лет назад интерес к нефти был еще маленьким — керосин, смазка для ружей и для машин. Сумасшествие началось как только был изобретен автомобильный двигатель и обнаружилось: нефть — основное сырье для многих веществ и продуктов (ныне их более шести тысяч).

Вот почему так прилежно работали разведчики нефтекомпаний, вот почему закипели страсти. Обнаружено было самое большое в Северной Америке месторождение, дающее сейчас четверть всей добываемой в США нефти. Страсти кипели не только от нетерпения, от предчувствия больших денег. Аляска была для Америки последним нерасотпанным индустрией районом. Надо было выбирать: либо сохранение девственной природы, либо промышленное развитие. Я был в Соединенных Штатах в начале 70-х годов, когда скрестились шпаги двух крайних позиций. Охранители природы говорили: «Где пьют, там и льют — Аляска будет загублена. Шутка ли — добыча нефти в суровом и уязвимом краю, где след вездехода не зарастает двадцать пять лет! И как добытую нефть

транспортировать? Нефтепровод станет незаживающей раной Аляски. Сама прокладка нанесет большой вред, и возможны аварии».

Три года в печати, на диспутах, в научных кругах, на митингах и в судах шла форменная война. Но нефтяники редко проигрывают. Подскочившие цены на нефть ускорили их победу. Преодолены были финансовые, нравственные, юридические трудности. Индейцам и эскимосам, поднявшим голову — «А мы, живущие охотой на карибу? Как повлияет добыча нефти на нашу жизнь?» — дали почти миллиард долларов «отступного» и закрепили за ними законом часть земли на Аляске. Охранникам природы «была брошена кость»: дальше означенного места нефтяники шага не сделают. Зона, прилегающая к району нефтедобычи, была объявлена заповедной. Но главное, обоснованные протесты заставили совершенствовать технологию, вести добычу с минимальным ущербом природе.

В 1977 году нефть пошла. Уже достигнут и пик добычи — два с половиной миллиона бочек в день. И если бы не история с танкером «Эксон-Валдиз», несколько омрачившим картину, можно было бы без поправок принимать утверждение нефтяников: на Аляске достигнута гармония промышленности и природы. «За это лишь надо было как следует заплатить», — говорит представитель компании «Арко». «За это нам надо было как следует драться. Если бы мы молчали, вы бы ни цента лишнего не потратили», — говорят борцы за охрану природы.

Задержка добычи, совершенствование технологии, специальные исследования в пользу охраны природы стоили около трех миллиардов долларов. Цена не чрезмерная, соглашаются сами нефтедобывающие компании. И это говорит о том, сколь велики доходы от находки в заливе Прудо.

Что такое нефть для Аляски в житейском, экономическом, техническом, экологическом плане? Начнем с экономики. Освоить месторождение и построить нефтепровод никакой самой мощной компании не под силу. За аляскинскую нефть взялись «вскладчину» компании «Арко», «Бритиш Петролеум», «Эксон» и несколько рыбок помельче. Доходы, если я не ошибся в расспросах, распределяются так: треть — в федеральный бюджет, треть — штату, треть — добытчикам и законная часть попадает аборигенам.

Чтобы представить, насколько богаче стал штат «в денежном выражении», сопоставим две цифры. «До нефти» его бюджет составлял 150 миллионов долларов. Сейчас он равен почти что трем миллиардам — увеличение сразу в двенадцать раз! Аляска пережила опьянение деньгами. «Мы не знали на что их тратить!» Особенно это касалось индейцев и эскимосов, раньше почти не знавших денежных отношений. «Нефтяное богатство» перевернуло их жизнь. «Раньше мы жили охотой. Теперь мясо прилетает к нам на самолетах. Овощи прилетают на самолетах, молоко — на самолетах. Мы ездим на вездеходах и моторных санях. У меня в доме три телевизора. Купил шесть ружей», — рассказывал мне житель в поселке Барроу. Обучать эскимосов «правильно тратить деньги» прилетали специальные консультанты аж из Нью-Йорка.

Сам штат тоже тратил деньги очертя голову. И сейчас, когда цены на нефть упали, видит, что замахнулся не по плечу — стоят построенные, но не заселенные дома в Анкоридже, брошены несколько банковских зданий, пустует громадный торговый центр. Но это не кризис, это сигнал: не зарываться! Поправку — по одежке протягивай ножки — тут

сделали. И по-прежнему выглядят разбогатевшими. «На нефти» тут быстро вырос Анкоридж и городок Валдиз, где кончается нефтепровод. В Анкоридже построен театр оперы и балета (стоимость — семьдесят семь миллионов долларов), библиотека (сорок четыре миллиона), здания конгрессов, прекрасный музей, магазины, гостиницы, банки, жилые дома. В город проведен водоток из чистейшего горного озера. Заключая контракт с нефтяными компаниями, штат поставил условие: через всю Аляску с юга на север, вдоль нефтепровода, построить дорогу. Ее построили.

В каждой деревне Аляски построена школа, не уступающая школам в Нью-Йорке и Вашингтоне, построены также госпитали, аэродромы, в любом поселении видишь «тарелку» телевизионной сети и спутниковой связи. Тут помнят, однако, что нефть не вечна. И хотя уже разве даны другие ее запасы, часть нынешних денег откладывают на черный день. Сначала в созданный фонд отчислялась треть прибылей штата, сейчас — более половины. Скопленный капитал (двенадцать миллиардов долларов) «является достоянием жителей штата». По процентам с него каждый человек, проживший на Аляске хотя бы год, к рождеству получает гостинец. В 1989 году это было 902 доллара.

На Аляске хорошие заработки. Из всех учителей в Америке самая высокая зарплата у аляскинских. Средний заработок по штату — двадцать шесть долларов в час. Но это, конечно, и самое дорогое место в Америке. В Анкоридже я зашел в парикмахерскую. Приведение в порядок окрестностей моей лысины стоило десять долларов.

На Камчатке коряк-оленеvod, помню, сказал: «наряду с достаточками есть у нас, конечно, и недостатки». Эту формулу диалектики вспомнил я на Аляске. С юга с притоком людей и денег пришли на север и «недостатки» — преступность, алкоголизм, наркомания. Там, где ранее обходились без замков на дверях, теперь замки завели. Там, где жаждали иметь к поселку дорогу, теперь просят ее не строить. «Я бежал на Аляску от толчеи жизни в «нижних» штатах и был тут счастлив. Но прежняя жизнь сейчас наступает на пятки», — сказал мне врач в Фэрбанксе. Это, конечно, ворчливость. Аляска просторна, и те, кто любит уединенье, его тут находят. Куда серьезнее перемены касаются жителей коренных. За полтора десятка лет вековой уклад жизни индейцев и эскимосов был сломан. Переход от охоты на китов и моржей к образу жизни белого человека принес не одни только радости облегчения от единоборства с суровой природой. Да, в доме эскимоса появились: туалет, стиральная машина, иногда телефон, телевизор, в магазинах можно купить мясо и сладости, разнообразные фрукты и овощи. Но старики тревожно вздыхают, а молодежь пьет и в последнее время наблюдаются самоубийства. «Мы стали американцами!» — с гордостью сказал мне мэр-эскимос в поселке Барроу. «Лодка из моржовых шкур для нашей жизни была надежней всех этих железок, приучающих лениться и думать: зачем живем?» — сказал мне в том же поселке другой человек. О жизни аборигенов поговорим мы особо. Теперь же вернемся туда, где нефть добывают.

Уже несколько лет к месту добычи нефти в заливе Прудхо возят туристов. Полтора часа самолетом, а потом в желтом длинном автобусе визитеров возят по нефтепромыслам. Американцев техникой удивить

трудно, но и они разевают от удивления рты. Громадное по размерам хозяйство так продумано, так аккуратно спланировано, так четко действует, что любая образцовая бензоколонка показалась бы тут неряхой. За день я не увидел не то что лужицы нефти, не увидел даже и пятнышка ни на земле, ни на одежде нефтяника. Казалось, на мокроватой зеленой равнине собран для чего-то гигантский красивый макет из труб, дорог и ярко-красных брусьев строений. Он кажется неживым. На трубопроводах сидят полярные совы, о строения боками трутся олени. Ни дымка, ни каких-либо звуков, не видно людей, но стоит подойти близко к строениям, как чувствуешь: увеличенный до гигантских размеров «макет» представляет собой живой организм, по жилам которого с бешеной скоростью и в громадных объемах движутся нефть, газ, вода, в одном месте смешанные, в другом уже разделенные...

Все самое современное и надежное в нефтедобыче тут использовано и совершенствуется применительно к здешним условиям, не похожим ни на техасские, ни на ближневосточные. Вечная мерзлота, морозы за сорок, полярная ночь, хрупкая уязвимая жизнь тундры — все принималось в расчет, и все построенное пока что работает безотказно.

В заливе Прудко пробурено более тысячи скважин. (Трехкилометровая глубина достигается на двенадцатый день.) И половина из одиннадцати миллиардов бочек нефти у земли уже взята. Теперь ее уже «выдавливают» из нефтяных пластов с помощью газа или воды. Газ — спутник нефти — тут не сжигают, факелов, привычных для наших районов нефтедобычи, почти не увидишь. Газ сжимают и под давлением загоняют опять под землю. Он будет храниться до поры, пока на него появится спрос. (Уже разработан проект газопровода — пройдет параллельно нефтяной линии.) Часть газа сжимают и разбавляют им уходящую с промысла нефть. Сооружения, где производится сепарация нефти (очистка от газа и от воды), напоминают громадный завод и стоит, как мне сказали, два миллиарда долларов! Таковы масштабы работ, масштабы затрат и прибылей, озолотивших не только Аляску.

Нефть — везде золото. Американцы шутят: отыщется нефть под Капитолийским холмом в Вашингтоне — начнут буровать землю и там. Практика жизни согласуется с этой шуткой. Статус учрежденного близ залива Прудко заповедника сейчас пересматривается. Заповедник, как полагают, «лежит на нефти», надо ее разведать и добывать. Аргументы за этот шаг: нефть крайне нужна, аборигены не возражают. Аргумент главный: добыча нефти и охрана природы — вполне совместимы.

Есть ли что возразить на это тем, кто твердо стоит на защите природы? В объемистом томе исследований я прочитал: «Нефтедобыча на севере не так безопасна, как утверждают». Приводятся факты, незаметные с первого взгляда: «Окисляется в тундре вода, накапливаются отбросы, содержащие тяжелые металлы, может пострадать ягель — основной корм оленей...» Но те, кто за нефть, говорят: «Побойтесь бога, пятнадцать лет нефтедобычи ничего не нарушили!» Когда знаешь: в иных местах нефтедобыча подминает, растаптывает, все опустынивает, трудно оспорить тех, кто работает тут в Прудко. Они сделали все возможное, чтобы поладить с природой.

Прежде чем завести сюда технику, проложить дороги и начать бурение, компания «Арко» послала ученых-зоологов изучить пути миграции карибу, изучить поведение оленей, узнать, как они будут реагировать на близость людей и машин. Все это было проделано. По тундре тут не ездили как попало — только по проложенным гравийным дорогам. Там, где ездить было все же необходимо, использовались грузовики

с широкими и, как подушка, мягкими шинами. Грузы сюда доставлялись летом, когда море освобождалось ото льда, а все работы велись зимой, когда тундра покрывалась ледяным панцирем и можно было ездить, не повреждая ее растительности. Гравийные дороги летом постоянно тут поливают, «чтобы тундра не запылялась».

Во время отела оленей движение по дорогам сокращается до возможного минимума, а местами вовсе запрещено. Всюду видишь предупреждение: «Ни шагу с дороги! Территория диких животных уязвима». Все сооружения компактны и не разбросаны там и сям. Скважины на гравийных насыпных площадках изначально были сближены до предела. Но сегодня и этот предел — двадцать метров — благодаря наклонному бурению уменьшен до восьми, а местами до трех-четырех метров. О любом, даже самом малом разливе нефти (пол-литра!) немедленно доложат в местный штаб компаний «Арко», а оттуда — штатным властям. На промыслах запрещено кому бы то ни было появляться с ружьем. Наказание нарушителю — штраф и немедленное увольнение. У компании «Арко» есть постоянная экологическая служба и специальный «полевой директор» Лори Крижан. Его задача — следить за охраной природы. Служба работает превосходно. Проезжая по дорогам района нефтедобычи, я не увидел ни разу ни брошенной где-либо железки, ни пластика, ни обрывка газеты, ни следа вездехода по зелени — ничего, что обычно сопутствует человеку. На воде, рядом с вышками, плещутся гагары и утки, плавают лебеди, на кухню жилого блока прибегают попрошайничать лисы. А олени, кажется, извлекают какую-то пользу от появления в тундре сооружений. Они постоянно возле них собираются. «Возможно, в жаркие дни, а тут бывает до 20 градусов, их привлекает прохлада тени, которой в тундре никогда не было. Возможно, между блоками возникает сквозняк, и олени спасаются тут от москитов», — размышляет зоолог.

Число оленей, за судьбу которых было больше всего беспокойства, в долине Прудхо не уменьшилось, а увеличилось более чем втрое — с пяти тысяч до восемнадцати. Причина этого не ясна, но, может быть, прав зоолог в размышлениях о тени и сквозняках. Людей олени не пугаются совершенно — ложатся отдыхать между сваями жилых помещений, собираются группами у дорог, приходят на местный аэродром.

По словам Лори Крижана, компания «Арко» затратила десятки миллионов долларов на предварительные исследования по охране природы и тратит на эти нужды сейчас от пяти до десяти процентов дохода. «Да, это обременительно», — говорит «полевой директор». — Но мы вполне сознаем: иначе нельзя. Философия — хозяйствовать, не разрушая природу, единственно верная на сегодняшний день, и мы ее полностью разделяем».

Я видел, как добывают тюменскую нефть. И неизбежное сопоставление: «у них — у нас» подарило мне тут, в заливе Прудхо, бессонную ночь.

Приютила нас на ночь «Арко». Жили мы в ее «космическом корабле», приземлившемся в тундре, так же, как живут тысячи триста состоящих на службе у «Арко» нефтяников. Уподобление тундры космическому пространству — лишь приблизительный образ. Летом тундра красива и очень богата жизнью. Для тех, кто любит природу, два месяца на зеленой равнине не лишены радости. Но в остальное время тундра сурова — дождь, снег, сильные ветры, морозы, пятьдесят шесть суток полярной ночи, вахты по двенадцать часов. Все это медом не назовешь даже при очень хорошей зарплате. И потому красный «космический корабль»

«Арко» с шестьюстами жилых кают оборудован всем, что может скрасить жизнь человека.

Сама «каюта» — аккуратный пенальчик, похожий на номер в современных экономных гостиницах, имеет душ, туалет, кровать, шкаф для одежды, телефон, телевизор, полки для книг. В прихожей — ниша для спецодежды и инструментов. Это казенное обустройство жилья. И каждый украшает «каюту» в меру вкуса и склонностей. У молодежи она оклеена картинками из «Плэйбоя», смешными надписями вроде таких: «Если утром ты съел лягушку, то ничего более неприятного за день уже не будет». «Недели в этом раю — вполне достаточно!» «Тут я изо всех сил работаю, а дома изо всех сил отдыхаю».

Мне достался на ночь пенальчик, в котором, судя по всему, живет человек средних лет. На полках — книги о дикой природе, десятка три потрепанных детективов, на стенке приклеены фотографии старика и старушки, снятые где-то на ферме, портрет молодой женщины с велосипедом, девчурка в очках, мальчик с удочкой возле лодки. Все вместе было частью мира, существовавшего где-то южнее, возможно, даже не на Аляске, а около Сан-Франциско, Сизлта. А тут некто С. Харден (визитные карточки на столе) вкалывал, а компания «Арко» заботилась компенсировать то, что терял человек, отрываясь на неделю от дома.

Корабль космонавтов никогда не будет иметь удобства, какие можно создать тут в тундре, куда летом приплывают суда и круглый год по несколько раз в день опускаются зафрахтованные самолеты. В коридорах и всюду, куда пожелает тут человек забрести, — ковры под ногами, и на стенах гобелены, картины и редкие снимки живой природы. Есть в этом огромном благоустроенном общежитии своя поликлиника, гимнастический зал, баня, бассейн, библиотека, кинозал и просто гостиная, где можно посидеть в мягких креслах, поговорить, послушать музыку, поиграть в шахматы или карты, связаться по телефону с домом... Гостиницы «Хилтон», конечно, могут поспорить с этой обителью в тундре. Но трудно поверить, что живут тут нефтяники, — ни пылинки, ни пятнышка, кондиционированный воздух, теплые, мягкие краски.

И, конечно, забота особая — о питании. За всю свою жизнь нигде я не видел большего обилия и разнообразия всякой еды. Все фрукты и овощи, какие только растут на земле, сюда доставляются. Соков я насчитал двенадцать. Супы, сладости и все, что можно сделать из мяса, молока, из муки, из орехов, из яиц — все тут присутствует. Даже спутники мои, американские журналисты, с пеленок привыкшие к изобилию супермаркетов, тут удивленно подняли брови.

— Обстановка этого требует, — сказал сопровождавший нас «полевой директор» компании «Арко». — Север, напряженные технологические процессы, необходимость быть собранным, бдительным, оторванность от дома не способствуют душевному равновесию человека. Наша задача — всеми средствами равновесие это поддерживать. А это — предупреждение аварий, соблюдение экологической дисциплины и просто уважение к человеку, чей труд тут нелегок...

Было о чем подумать мне ночью в «пенальчике» С. Хардена. В окошко равнодушно глядела общая на весь человеческий мир Луна, мерцали на горизонте какие-то огоньки. Два оленя нос к носу неподвижно стояли так близко, что я не удержался и бросил на спину одному карамельку. Олень тряхнул головой и снова погрузился в дремоту.

На столе утром я оставил деревянную ложку, московские сигареты, визитную карточку. И представил себе, как вернувшийся в тундру хозяин «каюты» будет озадаченно наводить справки: кто же тут побывал?

А я с друзьями получил от «Арко» презент посущественней: возможность увидеть «восьмое чудо земли» — нефтепровод, проехать вдоль него по Аляске.

ВОСЬМОЕ ЧУДО

Так повелось: потрясающее воображение дело рук человеческих нарекается восьмым чудом света. Кто-то насчитал таких чудес более ста двадцати. Я перебрал в памяти то, что видел сам: египетские пирамиды, нью-йоркские небоскребы... Аляскинский нефтепровод? Эпитет «чудо» скорее всего крючок для туристов. С этой мыслью я бы, наверное, расстался с «трубой», если бы лишь постоял у отметки, где она начинается. Но компания «Арко» предложила проехать вдоль трассы нефтепровода — пересечь всю Аляску от Ледовитого океана до южного порта Валдиз. Я немедленно согласился. И то, что увидел, чудом названо справедливо.

На карте нефтепровод прочерчен красной извилистой линией — 1300 километров через восемьсот речек и рек, включая Юкон, по вечной мерзлоте, через зоны землетрясений. Тем, кто клал нефтеносные трубы в Техасе или в Аравии, тут предстояло решить множество новых и сложных проблем. Число их стало расти, когда идея нефтепровода встретила бурю протеста американцев. «Вы изуродуете Аляску, затопите нефтью ее нерестовые речки, преградите пути миграции карибу, погубите всю хрупкую северную природу». Волна протестов оказалась препятствием более серьезным, чем проблемы технические. На три года она задержала строительство, на треть увеличила стоимость нефтепровода. Но теперь признается: борьба была полезной, необходимой. Она заставила строителей до тонкостей изучить все условия трассы, использовать новейшие достижения техники, чтобы обезопасить природу. Нефтепровод работает уже четырнадцать лет. И хотя транспортировка нефти повсюду в мире остается делом опасным, тут на Аляске мрачные предсказания противников нефтепровода не подтвердились — олени ходят своими путями, птицы гнездятся там, где гнездились, нерестовые речки чисты, тундру не затопили. Построенный с высшей мерой ответственности, грамотно и надежно, аляскинский нефтепровод служит сегодня примером гармонии техники и природы.

Нулевая отметка трубы, огромный «0» на щите. Тут же на специальной площадке популярная информация о «трубе»: как строилась, как эксплуатируется, что стоит за словами «последнее слово техники». Переварить информацию помогает мне провожатый Лайол Ванберген. Он тут работает восемнадцать лет. Участвовал в стройке, исполнял должность инспектора по охране природы. В этой должности и поныне. Более двадцати раз Лайол проезжал вдоль трассы нефтепровода. Лучшего собеседника и не надо.

«Высадка на Луну Америке стоила двадцать миллиардов долларов. Нефтепровод обошелся в восемь миллиардов. В частном предпринимательстве США — это самое большое вложение капитала. Затраты окупились в семь лет. И хотя эксплуатация нефтепровода стоит немалых денег, по трубе уже течет чистая прибыль».

Строили нефтепровод три года и два месяца. Сначала проложили дорогу. Она стоила триста миллионов долларов. И вдоль дороги разместили двадцать девять строительных лагерей — жилые постройки, склады труб, техники. Все доставлялось автомобилями и самолетами «Геркулес», с грузом в двадцать тонн они приземлялись на грунтовые площадки. По всей трассе кипел человеческий муравейник — семьдесят тысяч рабочих. Удержать их в этом суровом краю могли лишь очень хорошие заработки, по нынешней стоимости денег — две-три тысячи долларов за неделю. Девизом стройки было слово надежность. Наибольшие хлопоты доставили не горы (два высоких хребта), не болота и реки — вечная мерзлота! Нефть из земли на поверхность выходит горячей — семьдесят градусов. Шестидесятиградусной она поступает в нефтепровод. Надо было предупредить таяние мерзлоты, что привело бы к разрыву трубы. По этой причине лишь половина ее проложена под землей. Во многих местах труба покоится на опорах. Они тоже от нагрева солнца и от тепла нефти могли бы просесть в мерзлоте. Чтобы этого не случилось, опоры снабжены специальными радиаторами, отдающими тепло атмосфере. В местах возможных землетрясений трубу поместили еще резиновые «хомуты», позволяющие ей без разрыва колебаться на три метра в каждую сторону по горизонтали и на сто шестьдесят сантиметров по вертикали. Все это было задумано и спроектировано специально для этого нефтепровода, для этих конкретных условий. «Да, это стоило денег. Но зато не наносит ущерба природе. Такой подход сегодня единственно верный».

Лайол по памяти перечисляет мне, сколько на трассе возведено мостов, сколько переходов сделано для животных, сколько поставлено опор и сварено швов. Пятьдесят пять инженеров по охране природы следили за стройкой.

— И были протесты-запреты?

— Были. В одном месте, например, трассу меняли из-за того, что обнаружили на пути гнездовье редких птиц кречетов. По статье «осквернение ландшафта» были запреты на выемку гравия. Ну и, конечно, следили за тщательным соблюдением всего проекта, согласованного с экологами.

20 июня 1977 года нефть пошла. Ее продвигали сначала под слабым давлением, и до Валдиза она двигалась тридцать восемь дней. Сейчас у нефти скорость велосипеда — десять километров в час, время в пути — пять с лишним суток.

Подобно тому как кровь оставляет на стенках сосудов холестерин, нефть оставляет в трубе парафины. Предупреждая этот «склероз», раз в три недели в нефтепровод запускают «свинью» — снаряд из пластмассы. Двигаясь с током нефти, «свинья» чистит трубу, а кроме того, выявляет малейшие повреждения в ней. Анализируя электронную запись снаряда, нефтяники точно знают, где нужен особый контроль или даже замена участка трубы. «Бог миловал, было лишь несколько очень малых утечек нефти. Одна большая была вызвана взрывом (не установлено, кто и зачем это сделал)». И хотя ущерб от разлива нефти на суше не так велик, как на море, служба безопасности — самая важная служба нефтепровода. «Видите вертолет? С небольшой высоты по нескольку раз в день осматриваются все участки громадной трассы. По радио в центр наблюдатели сообщают о всем, что замечено. На расстоянии восьми километров по обе стороны трубы запрещено появляться охотникам. Появление любого человека на трассе рассматривается как подозрительное».

Но главная опасность таится, конечно, в технологии перекачки продукта огнеопасного, а при разливах для всего живого губительного. Все возможности техники, в том числе спутниковая связь, использованы для раннего обнаружения любой аварии. Падение давления в нефтепроводе на один процент — уже сигнал прекратить ток в трубе. Одиннадцать компрессорных станций на трассе перегоняют за сутки два миллиона бочек нефти, обогащенной на месте отправки сжиженным газом.

Выслушав Лайола, я приложил к трубе ухо. Ни бульканья, ни подрагивания. Постучал пальцем — отозвалась не плоть нефтеносной трубы, а ее алюминиевая обертка. Мне показали нефтепровод в разрезе. Сто двадцатисантиметровая труба из стали особой прочности окутана пластиком, а сверху еще покрыта аккуратной алюминиевой оболочкой. В этой конструкции есть технический смысл, но и дизайнеры настояли на серебристом покрытии — «труба не должна оскорблять взгляда». И цель достигнута. Нефтепровод в тундре выглядит серебристой струной, дрожащей в мареве летнего дня. Олени под ним жакуются муравьями. И видя их мельтешение под трубой, понимаешь размеры «струны». Когда же сам стоишь у опоры, на много метров опущенной в землю, видишь на верхушке ее ребристый цилиндр радиатора, не дающего теплу опуститься в вечную мерзлоту, то и сам под трубой чувствуешь себя муравьем. А когда едешь день, два и видишь бесконечность серебристой змеи, уходящей то в гору, то сверкающей над болотом, то ныряющей в черный аляскинский лес, мысли о чуде приходят сами собой. И если при этом ты не увидел ни разу ни пятнышка нефти, ни забытого ржавого тягача, ни застывшей кучки бетона, начинаешь верить: человек не всегда разрушитель природы, он может с ней и поладить.

По тундре мы едем долго. И все, что тут есть, — на виду. Сидят на стойках нефтепровода белые совы, олени подолгу бегут по дороге перед машиной, небоязливо стоят в тени под трубой. На озерах, повторяющих синеву неба, — кулики, утки, гусыни с гусятами. В одном месте Лайол тихо притормозил и глазами показал мне в сторону от дороги. Шагах в двадцати сидела лиса с уже возмужавшим, резвым и любознательным выводком. В генетической памяти здешних лис человек пока что не значитесь существом, которого надо бояться. И я тут проделал маленький фокус, взбудораживший лис и восхитивший моего спутника — семейство тундровых мышеедов подбежало к самой машине...

Едем все время на юг. Обернувшись, в бинокль еще можно разглядеть по синему белые пятна Ледовитого океана, а впереди сиреневыми зубцами уже обозначились горы Брукса. По 68-й параллели хребет отделяет северный тундровый склон к океану от лежащих к югу пространств Аляски. Тепло. Двадцать градусов. Но в любой день лета может повалить тут и снег.

Подъем в гору медленный, постепенный. Зеленая тундра какое-то время горбится холмами, потом холмы переходят в каменистые пологие склоны, и вот дорога идет уже между скал. В эти места со всей Аляски прилетают охотиться на медведей и карibu. В стороне от дороги взлетная площадка с двумя красными самолетами. Их можно нанять для полета в малодоступные уголки. Горы почти что голые. Лишь кое-где по ним буроватый дымок ивняков и ольшаников. Возле озер белеет пушица. Исчезли птицы, меньше стало оленей. Но на одном повороте Лайол тронул меня за локоть — медведь! Зверь улепетывал, погромыкая камнями, для него человек тут — угроза. Во время строительства

нефтепровода охота не разрешалась, и медведи приучились ходить в лагерь за подачками. Сейчас другие законы. Медведи их быстро усвоили.

Дорога вверх, вверх. Рядом идущий нефтепровод на буром склоне кажется позвоночником некогда жившего тут существа. Время съело брвенную плоть, а кости остались...

В гору гнать реку нефти непросто. Насосная станция на пути похожа на средних размеров завод. Чистота такая, что, кажется, чиня на этом «заводе» часы, а не гоняя по трубам нефть. Как в музее, нас попросили обувь оставить у входа и надеть шлепанцы. Громадного роста сержант, вооруженный радиостанцией «токи-воки», биноклем и пистолетом, далеко неформально, хотя и был предупрежден о приезде, проверил наши бумаги — «извините, зона большого риска».

Там, где служащие охраны станции (десять человек), и девять нефтяников отдыхают, на стенах — ковры и гобелены, под ногами ковер, в столовой — гастрономический рай. Сделано все возможное, чтобы снять напряжение от работы. А оно тут большое. В производственных помещениях — шум, сравнимый с ревом самолетных турбин и постоянная опасность пожара. Провожавший нас инженер Дэнни Сэндфорд дал нам наушники, шлемы, очки и подчеркнуто предупредил: «Снимайте все, что хотите, но не пользуйтесь вспышкой. Ее свет может включить систему тушения пожара. В минуту мы будем затоплены морем воды и пены».

Полчаса мы ходили по компрессорной станции, уподобившись мурам, попавшим в нутро телевизора. И сняли наушники с облегчением. Снаружи станции стоял наготове двухлопастный крошечный вертолет. Блестела «тарелка» спутниковой связи. На ней небоязливо сидела сорока. А на маленьком озере в стороне водную ванну принимал лось. «Наш постоянный сотрудник, — сказал Дэнни Сэндфорд. — Чуть вечер — он тут как тут. Кормится в ивняках и запивает обед водой».

Мы тронулись дальше на юг. Уходящий в горы нефтепровод сверкал предвечерними красками неба. Временами мы останавливались любоваться фантастическим зрелищем. Пейзаж был похож на то, что рисуют фантасты, увлекая нас на другие планеты. Точка «перелаз» через хребет находится на высоте полутора километров. В этом месте сзади мы оставили голубое сияние тундры и нырнули в мокрую мглу. Облака, идущие с юга Аляски, упираются в горы и тут стоят, спрессованные настолько, что надо было включать свет и двигаться почти ощупью.

На южном склоне хребта мерзлота уже не сплошная — пятнами. Там, где не было мерзлоты, нефтепровод уходил под землю. А там, где он снова выныривал на поверхность, опять была мерзлота.

Ночевали мы на компрессорной станции, как две капли воды похожей на ту, что уже осмотрели. Утром по дороге, выбрызганной дождем, мы продолжали «пилить» Аляску, приглядываясь к переменам, идущим с севера к югу. Из них заметное появление кустов ивняка и ольшаника. Земля как бы куталась в мягкое одеяло. Приподнятый над поверхностью нефтепровод временами из поля зрения исчезал. И лось, пересекавший дорогу, был тотчас спрятан кустами.

И вот самое первое дерево на пути к югу. Тощая кривобокая елка. Но первая! И дорога внимание путника на нее обращает — на желтом щите слова: «Самая северная ель на аляскинском нефтепроводе. Не соблазнитесь срубить. Она радует путника». Судя по утопанной почве, под елкой фотографируются на память. Мы тоже размяли тут ноги и напились из бегущего по камням ручейка.

Но вот дорога дарит нам еще три деревца... Десяток деревьев... И вот уже ивовая и ольховая подпушь почти сплошь покрыта черной еловой щетиной, густеющей на глазах. Елки никак не похожи на наши зеленые и нарядные ели. Веток совсем немного на тонких, тощих стволах. Лес черен, угрюм. Красок ему добавляют только болотца между чернолесных холмов.

Часа полтора дорога идет по неприветливой монотонной земле. И вдруг глаза замечают ярко-зеленые брызги по черноте — лиственный лес! Осины. Поначалу я принял их за березы. Тонкие, хрупкие, они хоровают все чаще, и от прилива зеленого цвета сразу становится веселее. Появляюся и березы со стволами более смуглыми, чем у наших. И вот уже настоящий смешанный лес кружится у дороги. Это середина Аляски, место, где индейцы атапаски веками кормились охотой — били лосей, баранов, медведей. Этого зверья и сейчас много, но его не увидишь — лес не так откровенен, как тундра, он прячет все, что имеет.

Места безлюдные. Но дорога, рожденная нефтепроводом, сделала середину Аляски доступной. Навстречу мчатся грузовики с пакетами труб, с бульдозерами, с контейнерами еды для нефтяников, с бурильными агрегатами. Их, впрочем, немного. Шоферы узнают машину инспектора Ванбергена, сигналият приветственно или даже останавливаются — пожать руку, перекинуться словом.

По дороге в ранее не доступные дебри затащили свои бульдозеры искатели золотишка и успели перекопать («испоганить») — говорит Лайол) речки и ручейки. Дорожные знаки и указатели разнообразят щиты с изображением фотокамеры. Проезжающий знает: ему указали точку, с которой можно сделать хорошие снимки.

На огромном пространстве никто у дороги не выбрал места для жизни — ни поселка, ни деревеньки. И вот первое поселение. Четыре дома, и тут же — гостиница, ресторан. Это столица шоферского братства. Название у поселка в духе дорожных нравов «Холодная нога». Жить без юмора в этой дыре невозможно. И о нем заявляют проезжему сразу. Перед гостиницей на шоссе полощатся три флага: полосатый флаг США, синий со звездами — штата Аляски, и белый с рисунком ботинка, из которого торчат посиневшие пальцы, — флаг «Холодной ноги».

В веселом лесном поселении мы отобедали, наслаждаясь после безлюдья толкотней жизнерадостной шоферни. О нравах «Холодной ноги» мы еще вспомним, а теперь — дальше, дальше, на юг по Аляске.

Карта подсказывала: нефтепровод приближается к Юкону, к великой реке американского севера. Теперь все чаще труба ныряет под землю, а дорога покато спускается вниз. В каком-то месте Лайол притормозил.

— Пожалуй, стоит снять свитера, жарковато.

Минут сорок назад пересекали Полярный круг и ежились на ветру. И вот — жарковато. Такова долина реки. Тут вызревают овощи, можно накосить сена. В солнечный день в июле температура поднимается к тридцати градусам.

Река... Мы поспешали, но Лайол щедро «отстегнул» целый час, чтобы я мог как следует разглядеть Юкон. Он тек мутноватый, спокойный, широкий, обрамленный зеленью — осинами, тополями, ивами и ольшаником. Лодка на водном просторе казалась щепкой, плывущей к синевшим вдали горам.

Пробираясь в прибрежных зарослях, я обнаружил малину, лебеду, иван-чай. Все, что росло тут, было знакомым. И если б не мутноватость воды, я бы подумал: течет Енисей. Для дороги у нефтепровода соору-

жен мост. Табличка возле него сообщала: длина -- 765 метров, стоимость — тридцать миллионов долларов. Посередине моста проезжают автомобили, а по бокам — пешеходная линия и труба, огражденная мощным барьером и металлической сеткой.

Тут, у Юкона, «восьмое чудо» держат под особым контролем. Возле моста мы с Лайолом наблюдали ученье, походившее на маневры военных. Вдруг появилось несколько вертолетов с десантом в оранжевом одеянии. Три минуты — и на воду спущены лодки, поплавокные боны, появился откуда-то катерок и на нем человек с микрофоном. Это были ученья на случай разлива нефти. Страшно подумать, что будет с Юконом, если это случится тут, у реки...

У Фэрбанка с нефтепроводом мы распрощались. Лайолу надо было лететь в порт Валдиз, где кончается сухопутная линия нефти. Я же летел в Анкоридж.

— Ну вот, благодаря «трубе» вы увидели и Аляску, — сказал Лайол. Дорога людей сближает. Мы обнялись.

Южную часть Аляски я увидел чуть позже, двигаясь по обычной автомобильной дороге. И лишь мысленно мог представить, как стальная змея вползает еще на один горный хребет, как скользит, извиваясь густыми лесами, как проходят под трубой лоси, плещется рыба и как, подобно совам на севере, садятся на нее отдохнуть царственные орланы.

Аляска «подпоясана» серебристым шнурком. Чудо, что сумели его протянуть по нехоженным дебрям. Но кто сказал бы доброе слово о техническом чуде, если на длинном пути по северным землям оно бы где-нибудь захромало. Его бы сразу прокляли. Но аляскинский нефтепровод, постучим по дереву, огорчений никому не принес, действует безотказно. И чуда тут нет: умно был скроен, крепко, ответственно сшит. Именно такой порядок вещей природа еще способна терпеть от людей. И отступление от этих правил катастрофично.

ПОМОЛИСЬ ВОРОНУ...

Самолет заправлен. Мы расстелили на крыле карту. Можем полететь куда захотим. Джон называет деревеньки по Юкону: Русская Миссия, Холи Кросс, Руби... Самая интересная — Гуслея, столица комаров и лосей на Аляске. Жители деревеньки — коренные индейцы племени атапаска...

И вот мы летим над страной атапасков. Трудно вообразить себе большую глухомань. Никаких следов человека! Синий лес, голубые кружочки озер, зелень болот и полян. И все опоясано серебристым кушаком Юкона, на котором тоже нет ни единой метки присутствия человека.

Гуслея... Старинное, почти русское слово. Непривычно выглядит и деревня. Сплошь рубленные, некрашенные дома. Дымки из труб. Несколько лодок мелькнуло у пристани. Собаки, услышав звук самолета, бегут за околицу, а следом на вездеходах — люди. Джона Бинклея в сенат выбирали в этих немногочисленных местах. Его самолет — частый гость в юконских деревнях. Сенатора называют тут просто «Джон». И рады его появлению.

Вот они — атапаски. Широкоплечие, невысокого роста. В коротких с козырьками. На всех разноцветные куртки. Тысячелетия не знав-

шие колеса, эти люди теперь, как дети, не расстаются с японскими широкими колесами.

— Джон!...

Все по очереди подходят здороваться. Приветливо кивают и гостю. «Из Москвы... Знаем, знаем. Сиза, дочка Вилсона, была недавно в Москве, рассказывала...» Вот тебе и глухомань земли атапасков!

Деревня пахнет дымом, еловыми дровами, вяленой рыбой. Рубленные из грубо отесанных плах хижины — традиционные жилища местных индейцев. У каждого дома — вешела с рыбой. Как дрова, свалены в кучу лосиные рога. Сушатся сети, висят на стенах плетенные из ремешков лыжи, стоят под навесами мотонарты.

Деревня не маленькая — девятьсот двадцать атапасков и четверо «бледнолицых». Впрочем, «бледнолицые» — тоже наполовину индейцы, дети пришедших с юга людей, бравших в жены девушек атапасков. Один из них, семидесятишестилетний Роберт Вент, приветствует нас возле своего дома. Отец Роберта пилил когда-то дрова для пароходов на Юконе. Лосиный и комариный край для этого человека — родина. В Гуслее Роберт открыл лавку, ставшую постепенно немаленьким магазином. Теперь он остался при этой торговой точке только советником — передал дело дочери. В ее доме (на первом этаже магазин, вверх — жилище) нас поместили. Сама хозяйка, Мейбл Вент, как выяснилось, улетела развлечься в Лас-Вегас...

Центральное место поселка — просторный дом, в котором размещается сразу все: «сельсовет», почта, тюрьма и музей. Тюрьма в этот день пустовала. Но бывает, что в нее помещают кого-нибудь, главным образом за драку по пьянке. «Пьяный индеец становится буйным», — сказал нам полицейский, тоже индеец. Доходит ли дело до чего-нибудь большего, чем драка? «Убийств при мне не было, самоубийства бывают».

В музейчике, расположенном рядом с кузницей, жители Гуслеи выставили свои рукоделия. Назначение экспозиции показать: «вот что умеем» и побудить попавшего сюда человека купить что-либо на память о Гуслее.

Как художники атапаски уступают индейцам-тлинкитам, известным на Аляске тотемными изваяниями из дерева, и эскимосам, непревзойденным обработчикам кости. Но и в этом музейчике есть на что поглядеть: расшитые бисером мокасины, изящные плетенные лыжи, рукавицы из лосиной кожи, отороченные мехом куницы, нарядный чехол для ружья, прекрасной работы нарты, мягко выделанные шкуры волков, бобров, росوماхи...

Всю деревню обходишь за полчаса. Улиц в ней нет. Дома, разбросанные в приятном для глаза беспорядке, отделены друг от друга островками берез и елей. Песчаные дорожки соединяют дома и ведут к центру деревни, к дому улетевшей в Лас-Вегас Мейбл Вент. Но дом-магазин выглядит в этой деревне пришельцем. И меня повели показать «настоящий индейский дом».

Над входом, как в каждом доме, были прибиты лосиные рога. Но этого мало. Весь двор был украшен рогами. Семнадцать столбиков, на каждом — рога, память об охотах и украшение.

Пока я изводил пленку, пытаюсь в одном кадре соединить все богатство, открылась дверь, и громадного роста индеец поманил нас рукой.

— Поспешайте, рыба остывает...

Оказалось, мы попали как раз к обеду. Хозяин дома Сэм Вилсон пришел с берега перекусить.

Ели печеную рыбу и пили кофе. На стол подавала молчаливая женщина, угадывая желание гостей и мужа, рядом с которым она казалась почти ребенком.

В былые времена Сэм Вилсон, несомненно, был бы в деревне вождем. Комплекция, ум, достоинство — все было в облике неторопливо говорившего человека. Должность его в деревне — бульдозерист — по старым меркам тянула на роль вождя. Многие из мужчин тут только охотятся и получают пособие от государства, а Сэм зарабатывает, хорошо зарабатывает, укрепляя от размыва возле деревни берег своенравной реки. Но Сэм и хороший охотник. Сколько убил лосей? Этого он не помнит. Много. И лосей, и медведей, и лис. И Сэм — единственный из деревни, кто участвовал в гонках собачьих упряжек, — одолел почти тысячу восемьсот километров до канадского Кэзстона. Все знают: Сэм с дистанции не сошел. И сейчас, когда все в деревне ездовых собак извели, у Сэма упряжка цела — двадцать восемь собак, вон они во дворе.

У Сэма и тихой, молчаливо-грустной Элеоноры шесть детей. Один сын учится в Фэрбанксе, в университете. Дочь Сиза была недавно в Москве. Вот оно доказательство — матрешка, значки и красный флажок. На полках у бревенчатых стен стоит еще много призовых кубков. Украдкой я попытался их сосчитать, но сбился — сорок восемь, а может, и больше. Такое богатство делает честь спортивному клубу. Но Сэм может позволить себе такое богатство. Серебристые кубки продаются. И Сэм денег на них не жалеет. Это очень красиво, когда вдоль деревянных стен дома стоит много почетных знаков. Да, в былые времена Сэм, несомненно, был бы вождем. Но он и сейчас уважаемый человек. И дом его — лучший в деревне. В нем есть туалет, холодильник, телевизор, видеоаппарат и много кассет — «зима долгая, коротае время у этой штуки». Есть еще телефон. С кнопками. Отсюда (из Гуслей!) можно звонить куда хочешь. Можно мне домой позвонить в Москву, на Верхнюю Масловку. Представляю себе расстояние — юконские леса и болота, Чукотка, Сибирь, Уральский хребет... «Здравствуйте, звоню из дома аляскинского индейца...» Не поверят, скажут, разыгрываю.

Кто был у Сэма отец? Охотник. И дед — охотник. Всегда все тут были охотниками. Как жили?

— Вот тут прочтите. Сын привез эту книжку из Фэрбанкса. — Хозяин дома находит страницу, помеченную желтым фломастером. — Вот тут особенно интересно...

«Она тянула нарты, а впереди муж и две женщины протапывали путь. Она чувствовала: это должно случиться сегодня или завтра. И вот она сошла с тропы и поискала глазами место у елок. Она расстелила меха и опустилась на корточки... Никого не призывая на помощь, она ножом перерезала пуповину и увидела: родился мальчик. Полдня отдохнув, она пошла дальше. В группе было шестеро мужчин, четыре женщины и пятеро детей. Дети собирали для костра хворост. Мать разводила огонь. Она ела после того, как поели мужчины, потом на еловых ветках стелила постель для мужа, для двоих сыновей и для себя с новорожденным. Никто ей не помогал и она не просила об этом. Так было заведено... В ту зиму почти не было пищи. Исчезли куда-то лоси, ушли олени, даже зайцы не попадались. Горстка людей шла и шла по лесам, надеясь спастись от голода... Никто не спасся, кроме одной из женщин и мальчика, родившегося на тропе. Их приютили в соседнем племени. Мальчик тут вырос и стал охотником».

Это написано не Джеком Лондоном, но относится примерно к тем временам, когда он был на Аляске. Сто лет назад атапаски жили вот так, как написано в книжке, привезенной из Фэрбанкса сыном Сэма Вилсона.

Атапаски — одно из многих племен индейцев, предки которых десять тысяч лет назад, двигаясь вслед за животными, перешли через Берингов мост с азиатского материка в Америку. Близкая родня атапасков индейцы навахо и апачи прошли до жаркого юга нынешних Штатов. А север — лесные места Аляски и Канады — стал прибежищем атапасков. Выжить тут можно было, лишь хорошо приспособившись к долгим холодным зимам и научившись добывать пропитание охотой.

На земле нет охотников искуснее атапасков. Это сейчас можно лося убить из винтовки, не рискуя себя обнаружить. Раньше надо было к лосю подобраться, чтобы метнуть копье. Надо было, как волку, идти десять, двадцать, сто миль за стадом оленей, поджидая, когда останутся ослабевшие. До прихода белых людей атапаски не знали железа. Орудием охоты были силки, копья и стрелы с наконечниками из кости. Леса у Юкона богаты зверем. Но бывали тут зимы голодные, надо было кочевать, протаптывая тропу по глубокому снегу. Многие умирали. Но в хорошие годы род множился. До недавнего времени женщины атапаски рожали за жизнь двенадцать — пятнадцать детей. Выживали не все, но те, которые выживали, были выносливы и умелы. Они могли сутками идти при морозе в пятьдесят градусов без убежища и огня. Родовые войны были обычным делом в этих местах — шла борьба за территории, которые могли прокормить род. И эти территории не могли быть маленькими.

Север спас атапасков от участи, постигшей их родичей — апачей, навахо и многие другие индейские племена, сселенные в резервации. Атапаски остались жить на земле своих предков. И вести образ жизни, соответствующий их представлению о том, как человек должен жить на земле, оставаясь частью природы.

Атапасков в Канаде и на Аляске сейчас около двадцати пяти тысяч. Это немного, если окинуть взглядом на карте огромную территорию. Но столько их было всегда. Жизнь их, конечно, переменялась. До встречи с белыми людьми они не знали даже ножей. Ножик в деревнях по Юкону называют «нужик» — искаженное русское слово, застрявшее тут от времен, когда на реке появились торговые пункты по скупке пушнины, главным образом шкурок бобров.

— Знаете, сколько стоило тут ружье? — спрашивает Сэм Вилсон и сам отвечает. — Скупщик ставил ружье и предлагал складывать рядом шкурки бобров. Ружье получал тот, у кого кладка достигала конца ствола. Это было примерно сто пятьдесят шкурок...

Сейчас местный охотник знает что почем в жизни. Шкурка бобра и волка — пятьдесят долларов. Лисицы — сорок, куницы — сто. Дороже всех — россомаха, из-за ценности меха и потому что встречается редко. Только случайно можно ее убить.

Но только добычей мехов прожить сейчас трудно. Главные перемены в жизни лесных индейцев произошли недавно, с началом добычи аляскинской нефти. Многое изменилось. Изменилась пища — кроме рыбы, лосиного мяса и ягод, атапаски едят теперь хлеб, сладости, привыкли к чаю и кофе, знают неведомые им раньше фрукты и овощи. Одежда, оружие, снегоходы, телевизоры, фильмы в кассетах, спиртное — все это можно купить. Атапаски, не знавшие раньше денег, теперь понимают, что они значат. Охотой можно кормиться, но жизнь по-ново-

му требует денег. Тот, кто имеет работу, как, скажем, Сэм Вилсон, может, помимо всего прочего, купить много красивых кубков. Но если работы нет, человек на последние деньги начинает искать бутылку. Прилетающие в Гуслею самолеты обыскивают, чтобы спиртное в деревню не проникало. Но проникает! И эта главная из проблем индейцев сегодня.

Еще проблема — потеря жизненной ориентации, смысла существования. Раньше человека поглощала борьба выжить. Сегодня выжить как будто легче, но молодежь ощущает бессмысленность жизни — самоубийств у индейцев в четыре раза больше, чем у белых людей на Аляске.

В доме Сэма я обратил внимание на то, что оружие — несколько дробовиков и винтовок — замкнуто в бочке. И слава богу, удержался от вопроса: зачем это сделано? Оказалось, один из сыновей Элеоноры и Сэма восемнадцатилетний любимец семьи в прошлом году застрелился.

Самоубийство молодых людей, аборигенов этого края, — тема особого разговора о жизни Аляски. А сейчас попросаемся с гостеприимным домом, помеченным галереей лосиных рогов, и пройдем с его хозяином на берег Коукука, где он работает на бульдозере.

Двадцать пять лет назад Гуслея была на другом месте. Деревню почти каждый год затопляло. Перенесли сюда, где повыше, посуше, но просчитались — река моет берег. Несколько домов уже снесено. Под угрозой церковь и дом-магазин. Но любопытное дело: жителей Гуслеи разрушение берега, кажется, даже радует. Причина простая: штат Аляска на спасение деревни выделяет хорошие деньги. Берег укрепляется насыпью и мешками с песком. Есть работа для нескольких человек. И община, кажется, молит бога, чтобы река продолжала свою работу. При мне, беседуя с Джоном Бинклеем, богатырь Сэм сказал: «Джон, мы тебя любим и ценим, наш голос — всегда за тебя. Но ты, пожалуйста, думай о том, чтобы тут у нас в Гуслее было бы хоть немного работы».

Но основной жизни, как и сто, как тысячу лет назад, остаются охота и рыбная ловля. Для атапаска — это не только добыча еды и шкур, это радость существования в этих лесах.

Календарь тут — время той или иной охоты. Август — сбор ягод и охота на уток. Сентябрь — охота на лося. В октябре после первого снега добывают в берлогах медведей. Ноябрь — декабрь — охота на лис, на бобров, ловля петлями зайцев и куropsаток, добыча куниц. И всю почти зиму охотятся на оленей, уходя от деревни иногда на сто километров. А в мае полетят гуси. В июне — июле деревня пустеет, все уплывают в летние лагеря ловить и готовить на зиму лосося.

Главная пища в деревне — рыба и лосиное мясо. Чавычу на зиму коптят, кету вялят на вешалах. Поймать рыбу — дело мужчин. Разделяют добычу исключительно женщины. Икру лососей тут никогда не ценили. Ее бросали собакам. Но сейчас приезжают торговцы, скупают икру для продажи японцам. Немалые деньги кое-кого соблазняют идти на смертный грех для индейца — в погоне за икрой бросить рыбу.

Лосятину на зиму добывают в первую неделю сентября, когда желтеют ивняки и березы. На охоту выходят на лодках. Подражая реву лосей, подзывают их к самой воде. Убитого зверя на лодке легко переправить в деревню. За сезон стреляют пятьдесят — семьдесят лосей. Добыча не является собственностью охотника. Ее сразу же делят — распиливают заморозку тушу пилой. Таким образом, мясо достается всем, в том числе старикам, уже не способным ходить на охоту.

Трапперство — охота на пушных зверей — дает деньги. Искусный охотник озолотиться не может, но все же имеет устойчивый заработок. Раньше в леса к избушкам уезжали зимой на собаках и в деревне держали их примерно полтысячи. С 1966 года появились тут снегоходы. Их встретили недоверчиво, но вскоре оценили преимущество моторов перед собаками. «Мотор не устает», — сказал мне Франклин Саймон, известный в деревне добытчик волков. Но легкость, с которой можно теперь настигать зверя, позволяет больше и добывать. От этого зверя становится меньше. И если ранее, говоря языком ученых людей, индеец вписывался в экосистему, где жертве оставалось достаточно шансов для выживания, то теперь равновесие разко нарушилось. Ружье и моторные сани дали охотнику преимущество, на охоту приходится ездить все дальше и дальше.

Охота — мужское дело. К ней приобщаются с детства. Мальчишки с лодок стрелами бьют ондатру, ставят петли на куропаток. В семь лет мальчишке уже доверяют ружье, а с двенадцати он уже на охоте вместе со взрослыми. Женщины тоже владеют оружием. Из-за медведей, отправляясь по ягоды, местная скво, кроме корзины из ивняка, берет с собой и винтовку. Ловить зайчиков петлями женщины ходят ради удовольствия побыть на реке и в лесу.

Искушение добыть больше и заработать разрушает обычаи, этику атапаска-охотника. И все же старое правило: не брать в лесу лишнего, с любовью и уважением относиться к зверю, рыбе и птице — «все живое имеет душу» — основа тысячелетней морали. «Мы не убиваем зверей, они сами себя нам отдают». Усердие в выслеживании и меткий выстрел охотник не припишет своей выдержке и умению. скажет: «Зверь отдал себя к вечеру». Промышляющий на реке скажет: «Рыба захочет — ее будет много, а не захочет — придет малым числом».

В Гуслее я все хотел познакомиться с самым хорошим охотником. Моей просьбы не понимали — «у нас все хорошие». Но есть же, кому удача сопутствует чаще? «О, это называется: «Счастливый Охотник». И указали домик на самом краю деревни.

Счастливым Охотником оказался шестидесятипятилетний Стив Этла. Он не стал скромничать и ломаться: «Да, я Счастливый Охотник».

Два животных в бытие атапасков играют особую роль. Черный медведь и ворон. И счастье охотника состоит не в умении добыть лося или пушного зверя, а выследить, где залег на зиму черный медведь. Стив Этла не стал отрицать, что дело требует опыта, наблюдательности и чутья, но подчеркнул: тут должно быть много удачи.

Медведей на Аляске два. Бурый, которого атапаски не любят и побаиваются. И черный медведь барибал. Размером он менее бурого и славится вкусным и сытным мясом. «Один раз поел — на весь день». «Лучшему другу — кусок медвежьего мяса».

Черный медведь осторожен. Выслеживают его по берегам рек, когда на землю упадет снег. Еле заметные проходы выдают отошедшего ко сну зверя. Ищут берлоги усердно, по многу дней четыре-пять человек — «рано или поздно зверь отдаст себя». Уважение и почёт тому, кто заметит берлогу и, подняв руку вверх, скажет: «Он здесь!»

— Эта минута очень волнует сердце, и я испытал это множество раз.

Известие о находке берлоги приносят в деревню. И сразу начинают-

ся сборы. Все мужское население, включая стариков и детей, идет на охоту.

— Вам бы интересно это было увидеть, — говорит Счастливый Охотник, — но кое-что я и сейчас могу показать.

На полке, как книги в библиотеке, стоят кассеты. Стив берет нужную.

— Прилетал тут японец, снимал охоту и вот прислал мне подарок...

На улице нудный августовский дождь. И старику приятно показать гостю, как это все бывает тут в октябре. Вся деревня, все мужское ее население, включая стариков и детей, движется к лесу, где обнаружен медведь. Женщины знают, куда собрались мужчины, но с ними ни единым словом об этом — таков ритуал.

«Он здесь!» — говорит теперь уже всем нашедший берлогу...

Убитому зверю сразу удаляют глаза, «чтобы не видел неловкого с ним обращения». На большом костре варят мясо. На палочках поджаривают потроха. Чествуют нашедшего берлогу, вспоминают бывшие охоты, предание, пришедшее из «туманных времен».

Охота на медведя — больше, чем просто охота. Это — единение мужчин-атапасков, приобщение к духу природы, посвящение молодежи в таинства лесной жизни...

Костер догорает уже в темноте. Однако домой собираются без суеты. Идут, ориентируясь сначала по освещенным вершинам гор, а потом с фонарями по следу. Так бывает осенью уже тысячи лет. И это самый счастливый день для лесного индейца...

Выключив телевизор, Счастливый Охотник размышляет о нынешней молодежи деревни, о важности уберечь для нее обычаи старины, понимание ценностей жизни и ее смысла.

Стив Этла считает, что его собственная жизнь протекла счастливо: «Много охотился, много видел, делал людям добро». Сейчас община дает ему подработать заготовкой дров. Кроме того, старик искусно делает лыжи и легкие лодки для охотников на ондатру.

На кресте церкви, которую видно в окошко дома, сидит, нахохлившись, ворон. Я открываю дверь — сфотографировать птицу, и наш разговор со Счастливым Охотником от медведя переходит на ворона. Эта птица у всех на севере почитается божеством. Атапаски тоже считают, что небо, земля и все живое кругом создано вороном. Ворон наблюдает за жизнью каждого человека. «Помолись ворону...» — говорят атапаски, благословляя кого-нибудь на серьезное дело. Церковь... Она есть в Гуслее. И постоянно открыта. Лежит открытая в ней Библия. Атапаски, живущие в этой деревне, — католики. Но ко всему, что принесли сюда миссионеры, они относятся как к невинной формальности. Душа их отдана богу, именуемому Природой, а ворон — часть этой веры.

У молодежи при знакомстве в школе с наукой, с религиями белых людей лесная древняя вера подвергается испытаниям. На Аляске любят рассказывать случаи в одной деревеньке. Мальчик-индеец сказал, вернувшись домой из школы: «Отец, учитель говорит, что люди произошли не от ворона, а от обезьяны». Ответ был строгим: «Запомни, белые люди, может быть, произошли и от обезьяны, а мы — от ворона».

Прощание с Гуслеей помечено у меня в книжке восемнадцатым днем августа. К аэродромчику нас проводить на японских «тележках» приехали знатные люди деревни, в том числе и Счастливый Охотник.

Собаки обнюхивали самолет и делали отметки у его колеса. А люди не спеша говорили о том о сем. Над деревней стелился сизый дымок. Ворон небоязливо сидел на сухой ели. И вдруг все встрепенулись. Над рекою, курсом на юг, с криком летело пять журавлей.

— Долдула, долдула! — заговорили все вдруг, добавляя и еще что-то к этому слову.

Долдула на языке атапасков — журавль. Эта птица самой первой покидает юконские берега. Ее отлет означает окончание лета. Сентябрь — уже осень, охота на лося. А следом — снег. Вороны будут следить за охотниками, зная, что около человека можно чем-нибудь поживиться. А долгими зимними вечерами все будут думать о приходе весны. Весну делает высокое солнце. На солнце можно положиться, оно обязательно будет набирать высоту. И первыми об этом известят вороны. Они будут кружиться, кувыркаться в голубом небе — утверждать нескончаемость жизни. И если ранней весной помолиться ворону, сбудется все, что задумано...

Мы сели в свой самолет. Поднявшись, сделали круг, покачали крыльями провожавшим.

Долдула... А солнце они называют о с а у, лето — ц а б а я. И всем управляет ворон. В этой лесной глухомани среди блесков воды сохраняется детство, из которого выросло все человечество. Все тут просто, даже теперь, при самолетах, пятизарядных ружьях, резиновых мокасинах и лодках с моторами. Помолись ворону...

ХИЖИНА ДЖЕКА

Речь пойдет о Джеке Лондоне.

Наше представление об Аляске с юности связано с этим именем. Большинство знает об этом далеком крае лишь то, что было рассказано Лондоном. Рассказано так ярко и впечатляюще, что некоторые символы повествования хранятся в памяти уже нескольких поколений. Речка Клондайк, река Юкон, Сороковая Миля, ручей Эльдэрадо, городок золотоискателей Доусон, клички и имена — Белый Клык, Ситка Чарли, образы — Белое Безмолвие... Я прочел «альяскинского» Джека Лондона рано. Мне кажется, родившись, я уже знал его знаменитых героев. И когда появилась возможность путешествия по Аляске, достал с полки Лондона.

Признаюсь, к чтению приступил с некоторой тревогой. Романтика юности сделала его любимым писателем. А вдруг теперь, взрослый человек, я обнаружу лишь «чтение для юношества»? Начал читать... И не мог оторваться. Нет, никакого разочарования! Первоклассный писатель! То, что рассказано им об Аляске, о ее природе, о коренных жителях и белых пришлых, которых местные племена называли «волками» за алчность и предприимчивость, останется вечным достоянием человечества, будет укреплять дух людей.

Читая Лондона, я ползал по карте, отыскивая упомянутые им географические названия, и грустно вздыхал. В лодке по реке Юкон Лондон переплыл Аляску с северо-востока на юго-запад. Об этом написан мало кому известный очерк «Из Доусона в океан». Все же остальные события происходят в районе Аляски, ныне принадлежащей Канаде. И вдруг неожиданный подарок. Мой друг, сенатор Аляски Джон Бин-

клей, услышав о популярности Лондона в нашей стране и моем страстном желании побывать на Клондайке, сказал:

— Мы слетаем туда!

— Но ведь это Канада...

— Слетаем.

У Джона там, на верхнем Юконе, в Доусоне, какое-то дело, связанное с расширением туризма. И вот в Фэрбанксе прогреваются моторы маленького самолета. За штурвалом — Джон Бинклей. Пассажиры — мы с Сашей Долицким, моим соотечественником, археологом, осевшим тут, на Аляске.

Полет длился менее двух часов. Сначала держались курса вверх по течению Тананы, реки не единожды Лондоном упомянутой. Текущая с ледников, Танана ведет себя буйно, как наша Амударья, — часто меняет русло, рождает протоки и острова. На просторах голубоглазой озерной Аляски река выглядит серой, безжизненной.

Расставшись с Тананой, пересекаем границу Канады и летим чуть севернее к Юкону, который нас приведет в Доусон. Еловые леса, пропущенные сверкающими нитями ручейков, проплывают внизу. И вот он, Юкон. Молочно-белый, в лесной синеве, в отличие от Тананы течет он единым глубоким руслом, пустынный и нелюдимый.

Летим, повторяя изгибы реки. И вот Джон уже пишет в воздухе пальцем: «Сороковая Миля!». Сороковая Миля... Джон делает круг, чтобы я лучше мог рассмотреть и снять местечко на Юконе, где во время золотой лихорадки был лагерь. Лондон в него заглядывал и донес до нас страсти, кипевшие тут без малого сто лет назад. Сейчас никаких строений на Сороковой Миле нет. Видим слияние с Юконом речки, зеленый кудрявый остров. На берегу две палатки. Кто-то тут путешествует по реке и, конечно, не удержался сделать на Сороковой Миле привал.

Отсюда до Доусона уже рукой подать. Летим по течению Юкона, наблюдая сверху сумрачные его берега, острова, идущие друг за другом, как баржи. Судов никаких, даже лодок не видно...

Доусон показался россыпью низких домиков у подножья холма, как раз в том месте, где Юкон принимает воды Клондайка. Сверху хорошо видно: Клондайк — серебристый шнурок, Юкон — широкая синеватая лента.

Аэродромчик за городом, как раз у Клондайка. Пограничный пункт. Не строгий. Американцы летают тут как у себя дома. Но у меня визы в Канаду нет. Джон объясняет женщине-пограничнику ситуацию. Она улыбаться мне не спешит. Звонит по телефону в Оттаву. И минут через десять я слышу за перегородкой желанный звук штемпеля по моему паспорту. А вот и улыбка: «Добро пожаловать в Доусон!»

О Доусоне, столице золотой лихорадки, будет рассказ особый. Городок на Юконе медленно умирал после стихших страстей. Но недавно он вновь начал расти. И бурно, благодаря интересу туристов к этому месту.

Джек Лондон видел бревенчатый и палаточный Доусон, наполненный золотоискателями, торговцами, авантюристами, проститутками, искателями приключений и впечатлений. Сам он относился к последним — жадно впитывал атмосферу своеобразной, терпкой, лихорадочной жизни, а подрабатывал тем, что ловил для лесопилки проплывавшие по реке бревна. Золота он не добыл. Карманы его были пусты. Но, как пишут его биографы, в барах и публичных домах Джека принимали, не требуя денег. В барах — за то, что он внимательно слушал рассказчиков, жаждавших излить пережитое первому встречному, в других ме-

стах Джек сам занимал слушателей мастерскими рассказами — «с этим парнем не соскучишься!».

В июне 1898 года, покидая эти места, Джек записал: «Мы обернулись... окинуть взглядом Доусон, населенный комарами, собаками и золотоискателями». Один год прожил он на Аляске, но этот год определил всю будущую его жизнь. С чем же он прибыл сюда и что увозил?

В 1897-м Джеку Лондону шел двадцать второй год. За плечами было голодное детство, о котором внебрачный сын учительницы музыки и астролога Чани говорил, что «детства у него не было». Родной отец его не признал. Фамилию Л о н д о н Джек получил от отчима Джона Лондона. Трудиться он начал с десяти лет, сначала как продавец газет (поднимался для этого в три часа утра), был потом браконьером — промышлял устриц в запретных местах — и борцом с браконьерами — ловцами рыбы. Работал «за доллар в день» — возил тачку с углем на электростанции, стирал и гладил белье, работал на джутовой фабрике. Все работы давали один доллар в день. И это все, что он мог принести в дом после смерти отчима, чтобы поддержать мать и двух сводных сестер. Семья голодала. О школьных годах Джек вспоминал: «Когда мои соученики, пресытившись, выбрасывали куски мяса на землю, я готов был подбирать их из грязи».

К двадцати годам Джек узнал безработицу, бродяжничал по стране в товарных вагонах — ночевал, случалось, без одеяла на куче угля, еду варил в консервной банке на железнодорожных путях. Но это не был опустившийся люмпен без будущего. Привыкший с детства поглощать книги, он и теперь старался с ними не расставаться. И постепенно почувствовал внутренний зов к писательству. Все, что успел пережить, уже бродило в нем, но еще не созрело. Между тем необходимость зарабатывать хотя бы доллар в день совершенно его изнурила и истощала. Он подумывал даже о самоубийстве. Однажды с такой же мыслью — «пора кончать эту игру» — заглянул к нему тоже отчаявшийся приятель. Джек с таким жаром стал его отговаривать, что невольно и себя убедил: жизнь прекрасная штука, но требует стойкости. Между тем все состояние Джека — велосипед, пиджак и часы — заложено, чтобы заплатить долги в хлебной и бакалейной лавках. Он чувствовал: загнан жизнью в тупик. Но что делать? Ответ дала судьба. В газетах он прочел: на Аляске найдено з^олото и туда устремились искатели счастья. Джек не медля решает влиться в этот поток.

Лихорадке желания — быстро разбогатеть поддались тысячи старых и молодых людей. В Сан-Франциско расцвела торговля снаряжением и инструментами для искателей счастья. Не удержался от соблазна шестидесятилетний муж сестры Джека. Сама сестра поверила в удачу двух дорогих для нее людей — за тысячу долларов заложила дом, еще пятьсот взяла из сбережений.

И вот муж ее Шепард и Джек покупают топоры, лопаты, кирки, запасаются инструментами для строительства лодок и нарт, покупают меховую одежду, теплое фланелевое белье, готовят по триста пятьдесят килограммов провианта на каждого. Это было стандартное снаряжение золотоискателей. Но у Джека был еще и добавочный груз — записные книжки, карандаши, книги. Любопытно, что же он с собой взял? «Капитал» Маркса, «Происхождение видов» Дарвина, «Философия стиля» Спенсера, «Потерянный рай» Мильтона... Отправляясь за золотом, моло-

дой искатель судьбы уже чувствовал себя писателем, понимал: Аляска подарит ему для этого что-то важное.

Путь в Клондайк начинался в Сан-Франциско погрузкой на пароход. Судно шло вдоль побережья на север, в лабиринте аляскинских островов и проливов, достигало конечной точки — Скэгвея. Тут морской путь кончался. И далее, до Клондайка, надо было добираться где посуху, где озерной водою и потом уже верхним течением Юкона...

В Доусоне мэр города Питер Дженкинс подарил мне книгу с тысячей фотографий, сделанных во время золотой лихорадки. Путь на Клондайк был великим испытанием для дерзнувших его одолеть. Подъем с грузами по горам, путь по озерам на лодках и на плотах, рискованный спуск по верхнему, кипящему на порогах Юкону. Путь не маленький — семьсот километров!

Многие помнят, наверное, рассказ Лондона «Тысяча дюжин» — рассказ о том, как неистовый, одержимый наживой Дэвид Расмунсен решил этим путем переправить тысячу дюжин яиц, чтобы в Доусоне продать их «не дешевле пяти долларов за дюжину». Вы помните, какую цену заплатил торговец, достигший столицы золота со своим хрупким грузом. Джек Лондон, одолевший сам этот путь, со знанием дела описал все, что на нем человека подстерегало. В книге фотографий мы видим людей, идущих с вьюками на спине, видим запряженных в нарты собак, видим лодки в пенных потоках, перевертнутые ветром плоты на озерах. Падшие лошади, изнемогшие собаки, кресты одиноких могил и целые кладбища на пути. Лишь очень сильные, неистовые люди могли этот путь одолеть. Многие, очень многие сдавались, поворачивали назад уже в самом начале у знаменитого Чилкутского перевала. Тут, от подножья до верхней точки, надо было пройти по очень крутому подъему около десяти километров. Снимок Чилкутского перевала стал символом золотой лихорадки. Бесконечная цепочка людей (тысячи!) с грузом в затылок друг друга поднимаются в гору. Ослабевшие, потерявшие силы под тяжестью груза сваливались по сторонам снежной дороги.

Люди с деньгами нанимали индейцев-носильщиков. Джек со своим компаньоном таких расходов позволить себе не могли. Но подняться на гору смог только Джек, спутник вышел из игры сразу, купив обратный билет в Сан-Франциско. А Джек не просто осилил подъем. Заметный, во фланелевой красной рубашке, обгоняя индейцев, он переваливал через гору, частями переносил кладь. Каждый переход отнимал день. Понадобилось девяносто (!) дней, чтобы переправить свой груз только через этот всеми проклинаемый перевал. Джек справился с этой работой. Биограф Лондона замечает: «Ни одна написанная им книга не доставила Джеку большего удовольствия, чем тот факт, что он, выйдя вместе с индейцами-носильщиками, многих оставил позади, хотя его груз был так же тяжел, как у любого из них. Сказались здоровье, неприхотливость, жизненная закалка много перенесшего двадцатидвухлетнего человека».

Между тем Аляска громоздила перед идущим все новые трудности — золото у Земли всегда спрятано в малодоступных местах. Путь к Юкону шел теперь по озерам. Нужны были лодки. Сноровка и опыт Джека проявились и тут. Срубленные деревья распиливаются на доски, из них строятся две плоскодонки, на которых Джек с обретенными тут друзьями пускается по озерам в направлении Юкона. У путешественников появился шанс достичь Клондайка до того, как большая река замерзнет. Но и на воде были свои «Чилкутские перевалы». В верховьях Юкона у порогов под названием Белая Лошадь берег облеплен был лодками, на берегу возбужденно гудели тысячи людей. Пути дальше не было. Все

лодки, рискнувшие соскользнуть в водоворот, шли ко дну вместе с грузами и людьми. Идти в обход? Тянуть груженные лодки по суше, теряя многие дни? Нет, надо спешить!

Все лихорадочно спешили на этом пути. Но мало кто имел опыт движения по воде. Джек имел и, сделав разведку, предложил компаньонам рискнуть. Тысячи людей следили, как лодку с сидевшим на корме Джеком швыряло в белом водовороте. Но чудо — она была невредимой и ткнулась о берег. Джек был героем в этой азартной игре со смертью. Ни на фунт не облегчив и вторую лодку, расчетливо оценив способности каждого из гребцов, кормчий опять успешно укротил Белую Лошадь. Посыпались предложения: «Проведи нас!» Джек назначил цену: двадцать пять долларов. И за несколько дней заработал для своей группы три тысячи. Мог бы больше. Но надо было спешить...

До ледостава на Клондайк Джек с товарищами добраться все же не смог. В устье впадающей в Юкон речки Стюард, в семидесяти двух милях от Доусона, было решено зимовать.

Вспоминая героев лондонских книг, самого рассказчика, мы должны поставить их в ряд. Будущий писатель выдержал здесь экзамен на право говорить о мужестве человека, испытав сам, что значит быть мужественным в этих краях. Вспоминая путь на Клондайк, он напишет: «Понятно, часть из нас погибла на дорогах, другая была затерта льдами, тысячи измученных, потерявших веру в свои силы вернулись с перевалов назад, но наша группа оказалась в числе удачликов».

«Не осталось ли чего-нибудь от лагеря на семьдесят второй миле?» — спросил я в нынешнем Доусоне. «Нет, все поглотило время и лес. Одну из избушек сам Джек с товарищами по весне разобрал, сделал плот и приплыл сюда по весеннему половодью. Это было вполне в его духе».

Много ли можно узнать, прожив в лесной избушке? Северные рассказы Джека Лондона, ставшие классикой литературы, отвечают на этот вопрос. В лагере на семьдесят второй миле зимовало человек пятьдесят — семьдесят. Свое золото Джек копал в этом лагере. Север обнажает человеческую сущность, очищая все, как луковицу, от шелухи. Все тут становится на виду — мужество, слабость, благородство и подлость. Джек наблюдал за людьми и жадно их слушал. Его избушка была самым притягательным местом, где спорили, веселились, строили планы, но главное — рассказывали. Искатели приключений, бедняки, желавшие быстро разбогатеть, профессор, врач, судья, инженер, моряк, плотник, полицейские, торговцы, авантюристы, погонщики собак — люди со всего света, закаленные Севером, и еще наивные новички — чечакко... Для Джека это была самая богатая из всех золотых жил Аляски. Он принимал участие в общей лихорадочной игре, даже сам обнаружил золотосносный ручей, по ошибке приняв чешуйки слюды за металл. Он не огорчился, когда прибежавшие столбить участки более опытные его товарищи, обнаружив ошибку, подняли приятеля на смех. Не огорчился потому, что еще в самом начале пути на Аляску признался товарищу, что едет не рыться в песке, а собирать материал для книг. «Творческая командировка» — можем мы улыбнуться сегодня.

Джек обладал цепкой от природы, молодой, тренированной памятью, и она вместила фантастически много. Но еще не подавший голос писатель хорошо знал закон: «У путешественника памяти нет — записывай!» Он заносил в книжки карандашом — «чернила могут быть смы-

ты» — услышанные истории, штрихи характеров, имена, словечки, портреты. Читая Лондона, мы видим его спутников как живых. Двадцатидвухлетний чечачо Севера их обессмертил.

И одним из героев его стала сама Аляска. «Мороз», «Холод», «Белое Безмолвие» — эти слова Джек пишет с прописной буквы. Углубляясь в повествование, мы почти физически чувствуем дыхание Севера — блеск снега под низким солнцем, безмолвие белых равнин, ночные всполохи полярного неба, скрип нарт, визг уставших, голодных собак, притягательную силу костра на морозе, затерянность человека в ледяных душу и сердце диких пространствах... Аляска у Лондона преимущественно зимняя. Неудивительно! Сибиряки, приплывавшие на Аляску с Камчатки, как должное принимали и снег, и мороз, и бесконечность зимы. Лондон же был южанин, калифорниец, да и время его пребывания на Аляске было практически одной очень длинной зимой. И вызов этого края он принял, вспоминал об аляскинском годе как самом лучшим из прожитых лет.

Джек хорошо понял, как должен вести себя человек в суровых условиях Севера, где подмоченные спички означают конец путешествия и самой жизни; где идущий по тропе должен подумать о собаках, а потом уже о себе; где в хижине, покидая ее, оставляют дрова и спички для тех, кто случайно может сюда заглянуть уже обессиленным.

Читая Лондона, получаешь о зимней Аляске множество сведений, но не справочных, а сплетенных в страстный, правдивый рассказ. Исподволь узнаешь, какая одежда тут лучше подходит, какая толщина снега и льда на Юконе, сколько миль могут бежать собаки без отдыха, как нужно выследить лося, как удержать тепло у костра, переночевать, зарывшись в снег... сам он был специалистом по части путевой жизни. «Он умел разжечь костер во время метели, состряпать чудесные лепешки, вкусно поджарить бекон, так натянуть палатку, что в ней тепло было спать и при тридцатиградусном морозе... Неизменно приветливый Джек никогда не падал духом, всегда был надежным товарищем».

Один год пробыв созревающий писатель на покорившей его Аляске. Девятнадцать последних дней пришлось на одиссею в открытой лодке по Юкону — три тысячи километров от Доусона до устья великой реки... Биограф Лондона пишет: «Он приехал домой без гроша в кармане. И все-таки он, не добыв на Аляске и унции золота, заработал на золотой лихорадке больше, чем любой старожил, застолбивший участок на ручье Бонанза».

Урожай впечатлений был собран огромный, зерно на мельнице размышлений было тщательно перетерто. Дело за малым — надо сесть и писать. Джек принялся за работу уверенный в своих силах. Но журналы не спешили признать аляскинских героев, никому неведомого писателя. Когда первый рассказ («За тех, кто в пути») был напечатан, автору пришлось занять десять центов, чтобы купить журнал. Восхождение к писательству было похоже на одоление Чилкутского перевала. Он осилил этот подъем. Признание пришло быстро: «новое слово в литературе», «еще одно открытие Аляски», «рассказы, исполненные огня и чувства», «Джек Лондон — это колосс на равнине жизни». Пришли деньги и слава. Но жажда радости жизни у этого человека была сплетена с жадой творчества. Работал он непрерывно, иногда по девятнадцать часов в сутки. За шестнадцать лет создал сорок четыре книги! Такие жизни — Джек Лондон пример не единственный — это свечи, горящие

с двух концов. К сорока годам Джек Лондон почувствовал себя опустошенным. Написанное уже не удовлетворяло ни издателей, ни его самого. Тогда он вспомнил опять об Аляске, и на мгновение вспыхнула прежняя сила его таланта, возмужавшего на Клондайке. Рассказ «Как аргонавты в старину» был последней его удачей.

У нас на Колыме кто-то из путешественников именем Лондона окрестил озеро. На аляскинской карте ничего подобного я не нашел. Но в Доусоне, разглядывая путеводитель по городу, я обнаружил стрелочку с надписью: «Хижина Джека Лондона»... И вот мы стоим перед ней — бревенчатый сруб, рядом амбарчик на высоких столбах — символ старой Аляски. И тут же музей: главным образом снимки времен золотой лихорадки и рассказ о поиске хижины Джека.

Всем этим хозяйством владеет Дик Норт, аляскинский журналист, отыскавший хижину Лондона. Изучая время золотой лихорадки, журналист услышал, что еще в 1936 году двое местных людей, погонщик собак и охотник, на ручье Гендерсона (район семьдесят второй мили на Юконе) обнаружили хижину с примечательной надписью карандашом на бревне: «Джек Лондон»... и еще что-то. К 1965 году охотник и погонщик собак уже умерли. Но ручей Гендерсона тек, как и прежде. Норт с приятелем на собаках стали разыскивать хижину. И нашли! Поросшая мхом, укрытая лесом бревенчатая избушка сохранила следы искателей золота на ручье: железная печка, лопата, надпись у входа: «Оставь немного дров для того, кто придет после тебя». Но, конечно, другая надпись интересовала Дика и его спутника. Она была на месте, на затесе бревна над нартами: «Джек Лондон — писатель и золотоискатель».

Дик Норт написал книгу об этой находке. В ней подробности поисков, экспертиза надписи, рассказ о находке в архиве заявки, из которой следует, что 16 октября 1897 года Джек Лондон застолбил на ручье Гендерсона золотозносный участок.

«Хижину Джек вряд ли строил, но жил в ней какое-то время. Я могу представить его лежащим на нарах. Приятель ставит на сработанный топором стол бобы со свиной, потрескивают дрова в печке, коптит керосиновая лампа. Джек отрывается от записной книжки и чертит карандашом на бревне драгоценные для нас несколько слов». В книге Дик рассказывает, как разобрали избушку, как на собаках зимой перевезли бревна к Юкону, как славляли их в половодье.

На избушку претендовали и Америка, и Канада. Спор разрешился своеобразно: бревна поровну поделили и, добавив к ним свежих, по объемам и фотоснимкам построили сразу две хижины — на родине Лондона в Окланде и тут, в Доусоне.

Дик Норт журналистику бросил. Музей его кормит надежной газетой. Кроме платы за вход, посетитель оставляет тут деньги за книги Лондона и Дика Норты, покупает значки, сувениры.

Из экспонатов музея главная ценность — снимок Джека, сделанный тут, на Аляске, во время золотой лихорадки. Малоизвестный снимок. Среди бородачей в шляпах с непокрытой головой стоит молодой человек, почти подросток. Биографы, ссылаясь на тех, кто был спутником Джека на Юконе, пишут: «Он выглядел старше своих двадцати двух лет». Снимок говорит об обратном — почти мальчик. Но это уже половина прожитой жизни. Умер Лондон сорока лет.

РУСАКИ НА АЛЯСКЕ

Деревня называется, как город, — Николаевск. Но дорога, только в нее и ведущая по еловым лесам, нарисована — не заблудишь. Я был в деревеньке два раза — зимой и летом. Зимой — сугробы, чернота леса, лоси, переходящие дорогу перед самой машиной. Летом проселок пылит, пахнет смолой и украшен по сторонам шпалерами иван-чая. Впечатление: едешь где-нибудь около Ленинграда.

Вот и деревня. Среди домов — почти игрушечная церковка с луковичей, прямоугольник школы, «тарелка» антенны у почты. Дома глядяся иначе, чем в старых русских деревнях, обиты тесом, покрашены — американская технология. Но что-то неуловимо знакомое, наше родное, российское, есть в деревеньке. Валяется бочка рядом с дорогой, перекошен наполовину сломанный забор. У крайнего дома в беспорядке что-то навалено, старый автомобиль ржавеет на видном месте. И это все не от бедности. Деревня в этих лесах, как крепкий здоровый орешек, — у каждого дома автомобиль, а то и два. Не от бедности! Российская привычка к простору, небрежность и беззаботность — «сойдет и так». Вспомнил родное свое село, сотни виденных деревенок. Удивился бы, если увидел тут, в Николаевске, все разлинеенным, почищенным и подстриженным, как у немецкого или английского дома. Характер! Куда его денешь. Характер, привычки, уклад бытия человек сохраняет и носит с собой как черепаха панцирь, даже при обстоятельствах все размывающих. Тут же случай особый — староверческая община! Сотни лет бережно, ревностно сохранялось все, что досталось от предков. Гонимые обстоятельствами, люди добрались сюда вот, на самый край света, подвергались искушениям, испытаниям, но остались, какими хотели остаться, хотя, быть может, и не во всем.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, здравствуйте. Откеля будете?.. Из Москвы?.. Вот оно как...

— Кума Анисья! — обращается мой спутник к женщине в ярко вышитом сарафане, ведущей двух девочек в длинных, не фабричного шитья платьях. — Человек-то издалека, из Москвы...

У Анисьи удивления нет.

— Штой-то к нам народ зачастил, — отвечает она, с любопытством разглядывая гостя.

Улавливаю во взгляде хорошо знакомую по сибирским староверческим селам настороженность к прошлому...

Конец субботнего дня. Деревня курится банями. Звонит к «вечерне» церковный колокол. Мужчины встречные — бородаты, ребятишки — кто в подпоясанных расшитых рубашках, кто в кафтанах до пят. На мотоцикле сидящего в таком кафтане видеть особенно непривычно. Рыжебородый дьякон проехал к церкви в автомобиле. Старушка вся в черном, опираясь на палку, идет. Речь кругом русская, хотя так же, как и одежда, отличается от того, что слышишь сегодня в нашей деревне.

Гостей в последнее время в Николаевске, правда, много. Занесло сюда и киношников из Москвы. То, что было показано у нас по телевидению, многим запомнилось. Но большинство посчитало ярко одетых бородатых людей, говорящих по-русски, потомками тех, кто когда-то открыл Америку и остался тут после ее продажи. Нет. Судьба у этой деревни иная. Особая. Путь людей сюда необычен, извилист и долог.

Первым, с кем я тут познакомился, был поп. Он в общине лицо не

просто духовное, он лидер во всех житейских делах — первый работник, блюститель нравственности, первый советчик во всем. Руку мне подал среднего роста человек в шляпе, из-под которой на рясу ниспадали рыжеватые волосы.

— Фефелов Кондратий Сазонтьевич. А это — матушка Ирина Карповна. И сын — одиннадцатое по счету дите. Наверное, уже последний — батюшка весело подмигнул матушке.

Я, признаться, не сразу поверил, что у этих двух еще моложавых людей был такой выводок детворы.

— Одиннадцать, одиннадцать! — повторил Кондратий Сазонтьевич. — А есть семьи, где и двенадцать...

В первую встречу зимой мы снимались около церкви, сходили в школу, отведали матушкиных блинов... Летом я увидел попа сидящим за рычагами бульдозера. Так же ловко он водит грузовичок. Я видел его среди плотников с топором, видел стоящим в рубке рыболовного судна — рыбак, штурман и капитан. Слушал его заутреню. Он был то в рубке подранном свитере, то в рясе. Никакой сановитости, прост, приветлив, умен.

— Гляжу на вас с любопытством — мужик, только в рясе.

— Верно, мужик и есть. Попом стал недавно...

Прошли мы с Кондратием Сазонтьевичем по деревне, сходили на холм, откуда Николаевск выглядит горсткой домов, кинутых в синь еловых лесов. Синева уходит за горизонт. Никаких следов человека, только чистая змейка дороги.

— В 1967 году трое наших приехали сюда оглядеться. И это место облюбовали — уединение для нас подходящее, вода родниковая самотеком течет. Купили у штата Аляски за четырнадцать тысяч квадратную милую земли. И через год застучали тут топоры...

Двадцать лет деревеньке. И триста лет человеческого пути из земель московских, тверских, ярославских, архангельских, вологодских. Нам сейчас легче, чем шесть лет назад, понять, что это было на русской земле — Раскол. Людям казалось: все рушится — вера, устой жизни, само мироздание. Где правда? Куда приклонить голову? Трещина прошла через все слои жизни — бояре, царь, церковные иерархи, крестьяне, служивый люд были вовлечены в противоборство Старой и Новой веры. Противоборство было великим, кончалось нередко тюремной ямой, сожжением. Многие протестанты сами сжигали себя, запираясь в скитах с детьми. Считают, на тех пожарах погибло двадцать тысяч старообрядцев. Инстинкт жизни, однако, взял верх. От новой веры стали бежать не в огонь, а туда, где можно было от нее спрятаться. Можем представить себе тех беженцев: отцы, матери, дети, старцы пешком лесными тропами уходили с насиженных мест от домов, от земли, от каменных и деревянных церквей. На такое могли решиться лишь сильные и крепкие в вере люди.

Прибежище протестанты нашли в Румынии, Турции, Польше. Но большую часть их поглотили сначала северные наши леса, Заволжье, потом Урал и Сибирь. Просторная земля укрыла и приютила добровольных изгнанников. Сколько тысяч их осело в Сибири, никто не знает. Чтобы выжить, им надо держаться спаянно, вместе. Вера и сохранение уклада жизни этому помогали. В единоборстве с природой, в борьбе за существование выковывался особо стойкий характер. Поныне слово «кержак» означает крепкого, непреклонного человека. С реки Кержинец (приток Волги) «кержаки» дошли к Енисею и даже к Амуру. Из маленьких поселений за многие годы выросли богатые, крепкие се-

ла. Все у «кержаков» хорошо получалось — умелыми были в лесу и на пашне, за фабричное дело взялись — и тут общинная сляка, отменное трудолюбие, привычка одоления препятствий утверждали их в жизни. Русские миллионеры Рябушинский, Морозов, Гучков — «кержаки»-староверы.

Символами давней драматической ломки-раскола для нас остались патриарх Никон, протопоп Аввакум, боярыня Морозова, царь Петр. Далеким эхом великого противостояния прозвучала недавно щемящая сердце судьба Лыковых. И эта вот деревенка — немислимо где, на Аляске! — тоже осколок далеких горячих страстей. Светловолосые голубоглазые мужики, женщины в сарафанах, мальчишки в кафтанах — потомки тех, кто уходил «в леса и на горы» на Восток, до Приморья.

Староверы всегда были чувствительны к беспокойству. И при угрозе их самобытному образу жизни они предпочитали «уйти еще дальше», так дошли они до Амура. И постепенно все устроилось, утряслось, успокоилось, примирилось. Но на роду, видно, русскому человеку написано переживать великие потрясения. Социальная ломка начала этого века, несравнимая по масштабу с Расколом, задевшая вся и всех, не могла не задеть «кержаков». Люди с заимки Лыковых разбрелись по горам. В больших староверческих селах, скорбя, притихли, смирились и приспособились к неизбежности. Однако не все. Жившие на Амуре с решимостью предков своих от «новой жизни» ушли. Нелегкое дело бросить обжитое место с пастбищами, пашнями, сенокосами, пасаками, с лесной дичью и рыбными ловами. Ушли! («Учкли», — сказал Кондратий Сазонтьевич). Уходили, как и встарь, тайно, порознь — одна семья, другая. Кто с лошадью, кто без лошади переправились через Амур. И собрались, «вручейками стеклись» уже в Маньчжурии и Китае.

Кондратий Сазонтьевич то время не знает. На русской земле он стоял лишь недавно, съездив в Москву. Родился же, как и все старшее поколение нынешних николаевцев, где-то вблизи Харбина. Тут родители его все начинали с нуля — поставили хибарку, скопили денег на лошадь, купили корову... К 45-му году «кержаки» и тут жили уже крепко и основательно. «Сеяли пшеницу, овес, гречиху, просо, бобы. В каждом хозяйстве были три лошади, две-три коровы, овцы, свиньи, разная птица, пчелы...»

И опять ломка! Пришедшая в 45-м году наша армия в «кержацкие» села принесла горе. Эту пору Кондратий Сазонтьевич хорошо помнит: «Кулаки, беглецы! Э, как живут! Уводили у нас коров, лошадей. Самое страшное — забрали отцов. Незаконно-де границу перешли в двадцатых годах. Всех взрослых мужчин забрали. Не пощадили даже и стариков. Куда кто делся, не знаем». Хозяевами в семьях остались вчерашние подростки. На их плечи легла забота о матерях, о младших братьях и сестрах.

«А в 50-х годах — напасти с другой стороны. В Китае к власти пришли коммунисты. Нам сказали: проживание нежелательно, уезжайте куда хотите». Куда уезжать? Похлопотала Организация Объединенных Наций о «кержаках». Уговорила принять их страны Южной Америки — Аргентину, Бразилию, Парагвай, Чили. Каково было русскому бордачу ехать в какой-то неведомый Парагвай! А что делать? «Приезжали советские агитаторы: давайте домой, поселим на целине. Кое-кто согласился, но очень немногие — хорошо помнили, как уводили отцов...»

И вот опять все брошено — дома, посевы, покосы, пасаки, продана спешно за бесценок китайцам скотина, «с собою — только узлы, баулы да около каждой матери куча детишек».

В огромной массе переселенцы сбились в Гонконге. Возникли неизбежные в этих делах задержки, неувязки. В громадном перенаселенном городе не было места для бородатых крестьян. Привыкших иметь дело с землей и по природе своей трудно переносивших толчею, тесноту, озабоченных судьбою детей и веры.

Их все-таки переправили за океан — кого в Аргентину, кого в Парагвай. Большинство же — несколько тысяч — попало в Бразилию. И тут русаки опять же вцепились в землю. Опять пришлось начинать все с нуля. «Туго пришлось. Еле кормились. Сеяли рис, просо, бобы, завели овощ. Но рынок был шаткий, терпели убытки. Прибытка хватало только на хлеб... И не было тут зимы! Для русского человека — это помеха».

И пришел час, сбросились в шапку, да получив еще помощь от «толстовского фонда», послали переселенцы ходяков в Вашингтон. И те преуспели, привезли разрешение переселиться в штат Орегон (северо-запад США). И стали семья за семьей уезжать из Бразилии. Собралась в Орегоне большая община. «Тут дело имело уже не с землей. Подрядились работать на мебельной фабрике. Учиться пришлось. Но преуспели. Хозяин фабрики нашими трудами разжился, ходил, приговаривал: «темпо, темпо!» И мы вздохнули — еды стало вдоволь, обзавелись жильем подходящим».

Но и тут не всем староверам жизнь пришлось по душе. Увидели: дети вырастают в чужую жизнь, поддаются влияниям и соблазнам, «вера теряла крепость». Тут и бросили взгляд на Аляску. Может, спасемся там? Послали в дальний край ходяков. Они все разведали. И сразу же друг за дружкой семьи тронулись на Аляску.

Деревню поставили скоро — за год. Рубили дома, били дорогу, завели огороды и пашню. Шестьдесят семей — четыреста человек — сюда собрались. Первым среди них был Кондратий Сазонтьевич с семейством, другие — Фефеловы, Мартишovy, Реутовы, Якушкины. Тут все — родня.

С чего начали, чем живы сейчас на Аляске дальневосточные земледельцы... Начали с раскорчевки тайги. Построили лесопилку. И сразу принялись за дома. Почувствовали: Аляска — это как раз то, что надо, — «зимы много», и здешней природе нужны люди выносливые, неприхотливые. «Первый год работали по пятнадцать часов. Отрывались только на сон». Обращение к земле показало: растет тут все — ячмень, овес, картофель, горох, всякая овощ. Однако кормиться тут лучше не от земли, а от воды. Мужики, «покумекав», стали ездить на фабричку, изготавливавшую рыболовные катера. Дело, как и в случае с мебелью в Орегоне, требовало умения. Стали терпеливо учиться. Фабрика местного предпринимателя от притока трудолюбивых людей расцвела. Но не надолго. Русаки, встав на ноги, рассудили: «А чего нам работать на дядю, когда мы и сами можем лепить корабли!» Сложившись, образовали маленькую компанию. За огородами в Николаевске соорудили крытую верфь. Хозяин бывшего производства разорился, потеряв сразу много рабочих рук. А Николаевцы пошли в гору.

Суденышки «лепят», или, точнее сказать, «отливают», из стекловолокна и смолы. Я был на верфи, видел остро пахнувший корпус очередного судна и видел потом в рыболовном порту эти невеликих размеров, но годные для плавания в океане посудины. Оснастка, отделка (годилась мастерство мебельщиков!) — по высшему классу: рубка, камбуз, каюты для сна, холодильник для рыбы. Мотор у катера — шестьсот сил. Навигационная техника — самая современная. Четыре радиостанции: для разго-

воров с портом, со спасательной службой и специально с домом. Одна из систем позволяет «автопилотом» выходить прямо на оставленный в море буй. Спрос на эти ставшие именовать «русскими» катера постоянный — «сколько сделаем, столько и продадим». Мотор и оснастка, разумеется, покупные. Это все стоит более трети общей цены катера. А за все готовое судно берут николаевцы сто пятьдесят тысяч долларов. Делают в год тринадцать — пятнадцать посудин. И всего на Аляске ловят рыбу более сотни николаевских катеров. Доходное дело их строить. Однако приглядевшись как следует к жизни, амурские мужики поняли: еще более доходное дело — ходить за рыбой. Дело это, правда, как и на пашне, требует навыка, знаний: надо быть мореходом, надо рыбу выследить и поймать. Стали учиться, помогая друг другу. И дело пошло не хуже, чем у самых опытных рыбаков, промышляющих в этом краю. Появилось даже некое превосходство, американцев называют насмешливо — «шоколадниками». На промысел ходят далеко в океан, аж до самой Японии. Ловят лососей и палтуса. Выход в море (четыре дня хода, день — лова) может дать сразу восемнадцать — двадцать тысяч долларов. Игра стоит свеч. Правда, можно и пролететь, прогореть: в рыболовстве не последнее дело — удача. Но уже много построенных катеров куплено самими николаевцами. Я их видел в рыболовном порту, по названиям отличал: «Русак», «Орел», «Гусь», «Волга», «Кавказ»...

Доходы сейчас же сказались на образе жизни. Лошадей, скотину и огороды забросили, даже кур перестали держать. В каждом доме — автомобиль, а то и два. Садится Акулина или Аксинья в своем староверческом сарафане за руль (все научились водить машины!) и едет в прибрежный Хомер, покупает там все, что надо для стола и хозяйства. Поначалу, разбогатев, обзавелись тут стиральными машинами, а сейчас побросали — возят белье в город, в прачечную.

Все в этой деревне, в этой общине держится на прилежном труде. Женщины, как наседки, — с детьми, мужики — постоянно в делах. К труду, к возможности заработать приучают с малого возраста. Двое мальчишек при мне помогали попу класть на сарай кровлю — подавали рейки, молоток, гвозди. Расчет был тут же, на месте — по три доллара на нос. Ребятишки, когда я стал их расспрашивать — часто ли зарабатывают? — похвалились: «Ходили недавно за рыбой». Мыли мальчишки на судне посуду, готовили наживку для переметов. «Во!» — сказал младший и достал из кармана три зеленые десятки.

— Сиротой растет с бабкой. Уже сам себе голова. Уже почти что банкир, — погладил мальчишку по голове Кондратий Сазонтьевич.

Поближе с житьем-бытьем николаевцев я познакомился в доме Кулигиных. День был воскресный. Все были в сборе. Накрыт был стол. По дому плыли запахи праздничных яств, приготовленных в русской печи. И я увидел сидевших рядком веселых, говорливых наследников рода Кулигиных. В семье двенадцать детей. Старшему — двадцать один, младшему — одиннадцать. Имена: Анна, Улита, Люба, Стахей, Алексей, Марина, Корнелий, Давид, Маврикий, Олимпиада и самый младший, общий любимец, веселый веснушчатый Поликуша, по-взрослому — Поликарп.

Борщ, яичница, курица, блины со сметаной, бананы, персики, груши, графинчик с наливкой стояли на столе на званом банкете. Готовилось это не для гостей. Мы с переводчиком заглянули сюда невзначай. Обычный воскресный стол.

— Знали и худшие времена?

— Ох, знавали, Василь Михайлыч, знавали, — вздохнула хозяйка Соломея Григорьевна. — Хлебную корку, как конфету, сосали, рыбные головы на пристани подбирали.

Хозяйка дома одета в просторный, зеленого цвета праздничный сарафан. Муж, Анисим Стафеевич, сел за стол в вышитой красной рубашке. Телом глава семейства крупен, в бороде уже седина, высокий лоб увеличен еще и лысиной. Говорит несколько резковато, и Соломея, видимо, по привычке смятает суждения мужа. Обоим за пятьдесят. Поженились двадцати лет в Бразилии. И тяжкий путь общины от Приморья сюда, на Аляску, — это и путь Кулигиных. Их родители на Амуре жили в деревне Каменка. В Китае деревенька называлась Романовка. О том, что было в Романовке в 45-м, Анисим говорит одним словом: «Злодейство!» Соломея, на глазах у которой уводили корову, вспоминает, как убивалась мать: «Шестеро их, поглядите! Отца забрали, и теперь на голод их обрекаете». Может быть, из-за мягкого, все прощающего характера, может, и не желая гостя задеть, она поправляет суждения Анисима:

— Разные были люди. Было злодейство. А было и милосердие. Сюда, на Аляску, Кулигины прибыли с шестью ребятишками.

— Восемь месяцев жили в палатке, пока рубили избу. Снег выпал. Сердце захватится, как вспомнишь, что пережили...

Кормил семью Анисим плотницким делом. Работа эта нужна Аляске везде — хорошему плотнику платят тридцать долларов в час. И семья быстро поднялась на ноги — стали помогать подраставшие дети. Дом Кулигиных не лучше, но и не хуже других. Анисим провел меня по комнатам с сундуками и зеркалами, по сениям и кладовкам, где стояли соленья, варенья, ящики с лимонадом, грушами и бананами. Соломея Григорьевна с гордостью показала свой огород — единственный в деревне, где растет все, что тут может расти. «Привыкла к земле, не могу без этой радости обходиться». Держат Кулигины и корову — «свое молоко с покупным не сравнишь». По семейной раскладке — каждому свое дело — корова на попечении дочери, двадцатилетней Марины. Для ребятишек — «чтобы не отвыкали» — держат Кулигины лошадь, кажется, единственную теперь в деревне и с теми же воспитательными целями — «чтобы поспевали за жизнью» — завели трактор. Держат в доме винтовку и два пистолета. Это обычай аляскинской жизни, и в Николаевске обычаем не сочли нужным пренебрегать. С оружием возьются старшие сыновья. Анисим, промышлявший ранее зверя, тут к охоте поохладел, разве что ради мяса застрелит одного-двух лосей — «они тут рядом, даже в огород забредают».

— Живем теперь — грех пожаловаться: двенадцать детей и четыре автомобиля!

Эту фразу Анисим с шутиливой гордостью произносит, как я почувствовал, не в первый раз. Что же, законная гордость. В ней все мужское достоинство и отвага не склонившего головы перед жизнью — не простое дело растить, приобщать к жизни такую ораву. А четыре автомобиля, трактор, мопеды, велосипеды — это лишь часть жизненного достатка семьи Кулигиных. Главное приобретение сделано недавно.

Не оставляя плотницкого ремесла, решил Анисим Стафеевич, по примеру общинников обзавестись судном. Зажиток для этого был. С некоторым риском занял еще двадцать пять тысяч. Купил. И уже обновил покупку — сходил на первый промысел. И сразу удачно. За один раз поймали палтуса столько, что сразу «долг целиком — с шеи долой».

В воскресенье после полудня вся рыбацкая братия Николаевска решила устроить пикник на воде. Я был на него приглашен и мог наблюдать, как «Волга», «Кавказ», «Гусь» и «Русак», маневрируя в гуще лодок и кораблей, уходили из порта. На одном судне в рясе капитаном стоял Кондратий Сазонтьевич Фефелов. Другим правил дьякон, тоже Фефелов, Павел Степанович.

Анисим Сазонтьевич Стафеевич с сыном показывали мне новое судно. «Управлять можно с четырех точек — хочешь с мостика, хочешь с кухни... На эту кнопку нажал — пойдет прямо на буй, будь он даже около Алеутской гряды. Тут нажал — тотчас Соломея дома откликнется». Показали мне снасть — девятимильный шнур-перемет с тремя тысячами крючков. Рассказали, сколько часов уходит на оснастку наживкой, сколько рыбы вмещает трюм-холодильник.

— А что сейчас дальняя Каменка и Романовка?

— Не знаю. А хотелось бы поглядеть...

Один из сыновей Кулигиных недавно летал с туристской группой в Москву. Вернувшись, много рассказывал интересного. И, видимо, вспоминая этот рассказ, Анисим спросил:

— С едой в Москве плохо?

Я рассказал.

— Да-а... — сказал старOVER, вкладывая в это «да-а» много всякого смысла.

Соломея Григорьевна расстелила на палубе скатерть к обеду. Сыновья Кулигиных палили из скорострельной винтовки по банке кока-колы, брошенной на воду. А отец наслаждался управлением катера. Я залюбовался, наблюдая его стоящим на мостике. Встречный ветер облепил по его телу рубаху, снес в сторону бороду, руки плотника лежали на рулевом колесе.

— Соломея! — крикнул он сверху, — иди покрути...

— Да ну тебя, не бабье дело...

— Тятя, дай мне! — завизжал Поликарп...

Поликарп родился тут, на Аляске. Для этого старOVERа, говорящего по-английски, прошлое отца с матерью — как вспученный водяной след бежавшего по волнам катера.

Не хлебом единым... Старинное это правило жизни всегда в общине блюлось. Духовное тесно переплеталось с житейским, давало силы все одолеть, превозмочь, утвердиться среди суровой природы, не поддаться соблазнам в человеческой гуще. Что сохранилось от старой веры, а что пообтесано, вымыто жизнью?

Сохранился язык. Он, конечно, не допетровских времен, однако не обескровлен нивелировкой теле- и радиоящиков. Слышишь много нами забытых слов в сочетании с неизбежными вкраплениями из английского. Звучит это часто очень забавно. Едем, например, с матушкой, Ириной Карповной в автомобиле. Около дома замужней дочери она пожелала говорить с нею по радиотелефону.

— Ну как вы там, небось, ишо глаза не продрали... Куды, куды? По ягоды. Ну о'кей!

Слово «мили» матушка произносит на русско-английский манер — «майлы». Слово «лось» (по-сибирски «сохатый») тут почему-то забыто. В ходу английский — «мус». «Этим годом две мусы убил — гора мяса», — хвалился Анисим Кулигин.

Взрослым с трудом достается английский. «Бабы на автомобиль сели, крутят вовсю, а балакают по-здешнему туго». Молодежь по-английски и читает, и говорит. В школе преподавание — на английском, учителя — американцы. Уроки русского языка ведет «своя» учительница, выросшая в Николаевске. Дома разговор — только по-русски. Но жизнь густо сеет в родной язык много новых понятий и слов. Сопротивляться им трудно. И все же сохранение языка — первая заповедь. Вернувшегося из Москвы сына Анисим спросил: «Ну как там тебя понимали, немтырем не был?» — «Нет, папаня, все было о'кей!»

В доме многое по старинке. Во дворе — обязательно баня. В красном углу — иконы (телевизоров нет), русская печь. Но еда почти уже не домашняя, лишь хлеб пекут сами, остальное — из городских магазинов.

Жизнь показала: Аляска не может служить убежищем, каким были леса в Сибири для дедов и прадедов-староверов. От чего недавно бежали из Орегона, обрели и тут, на Аляске. Глухая замкнутость невозможна — жизнь подпирает со всех сторон. И молодые почти в открытую тяготеют строгостью старших. Все чаще мальчишки предпочитают джинсы кафтанам — в них удобней носиться на мотоциклах. Чувствуется: охотно одели бы вместо расшитых рубашек пестрые майки. Один сорви-голова распахнул передо мной материнский наряд — гляди! Под рубашкой — запретный плод — майка с какими-то буквами и портретом героя из комиксов. Много других соблазнов для молодых и на каждом шагу — кино, телевизор в школе, журналы, книги, видеофильмы.

Открытие новой школы в 1983 году было встречено взрослыми настороженно. Государственная школа великолепна, как и всюду в Америке. В ней просторные, хорошо оборудованные классы, лаборатории, гимнастический зал, компьютеры. Старики нюхом чуяли: это угроза всему и вся. Но куда деться? Ограничились тем, что ночью, перед началом занятий, рассовали по щелям записки: «Пусть никакое зло не войдет в эти двери». Компьютеры сначала категорически запретили — «в них — дьявол», потом махнули рукой. Договорились только с директором: «Половое просвещение, пожалуйста, не ведите. И не внушайте, будто люди на Луне были».

Случались бунты молодых — уходили вон из общины.

— Но все кончало, как правило, плохо, — сказал мне в беседе священник. — Община взыскает, но она и поддержит.

И все же удержать в дедовских шорах общину трудно. Во избежание соблазнов поощряются ранние браки — для ребят довольно семнадцати лет, для девушек — пятнадцать, даже тринадцать. Расчет: заботы о доме и детях остепенят.

Но и женитьба-замужество — тоже проблема. Близкородственные браки ведут к вырождению. Староверы всегда это знали. Но где отыскать жениха и невесту? Ищут пару по переписке, засылают сватов в Орегон, в общины, не уехавшие из Бразилии, Парагвая. Кулигины старшую дочь просватали аж в Австралию. На выданье вторая — Марина. С любопытством наблюдал я вспышку семейного интереса к Андрею, моему переводчику. Русак, и здешний, американский! Неважно, что безбородый, главное — неженатый. Марина моментально одела лучший свой сарафан, лакированную обувку, мать с отцом за столом ласково двигали гостью блюдо за блюдом. Смущенный Андрей намекнуть догадался, что есть причины ему на Аляске не оставаться... Есть один случай перехода американцев в общину. Некто Стэн Вайт влюбился в здешнюю «герл» и принял староверческое крещение.

В «ангаре», где делают катера, висят отнюдь не иконы — листы из «Плэйбоя».

— Терпите? — кивнул я провожавшему меня дьякону Павлу Фелову.

— А-а, ничего, грех небольшой. В церкви замолят.

Либерализм этот в деревне утверждается не без борьбы. В начале 80-х годов община бурлила, обсуждая, дать послабление или, памятуя заветы дедов, строго держаться старых обычаев? «Строгость сейчас блюсти уже невозможно. Уйти дальше... Куда же? Дальше — только белые медведи», — сказал Кондратий Сазонтьевич Фелов, словом и делом которого тут дорожат. И чтобы не унесло беспоповцев куда-то дальше, уехал Кондратий в сопровождении верных людей в Румынию — просить старообрядческого патриарха рукоположения в священники.

Патриарх Кондратия благословил. Вернулся он на Аляску, в деревню, уже в рясе. И немедля распорядился возводить церковь. Воцарившийся было холодный мир этим взорвался. Образовались тут свои либералы и консерваторы. «До чего докатились — поп, церковь! Вы ж коммунисты!» Выстроенная церковь как-то ночью сторела. «Либералы» приступили к строительству новой. А «консерваторы» плюнули и решили выделиться из общины — разбрелись по маленьким деревенькам, туда, где поглубже. Из шестидесяти двадцать семей уехало. Произошел маленький новый раскол.

Я говорил с несколькими из уехавших. Где, по-ихнему, лучше живут — в Николаевске или «на выселках»? «У них — каша погуще, а вера крепче у нас», — таков был ответ. Я сказал об этом отцу Кондратию. Он улыбнулся: «Каждый говорит, как думает».

В день отъезда из Николаевска утром мы проснулись с Андреем от колокольного звона. Вспомнили: в церкви должны быть крестины. И поспешили посмотреть это таинство.

Церковь была пустой. Три старушки и мать новорожденного — крупная, тучная женщина — стояли близко у входа. Крестный отец — мальчонка тринадцати лет держал на руках белый, оглашавший церковь криками сверток. Поп с дьяконом скороговоркой приобщали новорожденного к вере. «Младенец Маврикий, отрекаешься ли от сатаны?» — спрашивал отец Кондратий. — «Отрекаюсь!» — отвечал за младенца крестный. Рядом стояли два братца новорожденного — крепкие, как боровички, карапузы. Они так сладко зевали, что даже поп улыбнулся, крестом осенил недоспавших свидетелей приобщения брата к жизни.

— Ну вот и все. Все честь по чести. Голосист малый. Хорошим рыбаком или плотником будет.

— А если в космонавты захочет? — сказал я Кондратию Сазонтьевичу, закончившему обряд.

— На все воля божья. Все им предначертано.

И мы присели на скамейке у церкви — закончить наши беседы о великом пути общины сюда на Аляску.

Гляжу на карту, очень подробную карту Аляски, деревни Николаевск нет и на ней — мала деревенька. Я вычислил ее место и поставил кружок. Интересно было там побывать. И много я передумал сейчас, сидя в подмосковной избе над этим писанием. Люди одного с нами корня. Какую дорогу осилили! Сколько всего вынесли, претерпели! И не слюмились. Сколько раз начинали с нуля, с пепелища и побеждали. Не забуду умного, работающего попа-мужика Кондратия Фелова. Стоит пе-

ред глазами Анисим Кулигин — богатырь и телом, и духом. С навыком землешаща, вооруженный лишь трудолюбием, родным языком, молитвой и здравым смыслом — на бога надейся, а сам не плошай, — не потерялся он в жизни, не стигнул на фантастически длинной дороге. Крестьянин — плотник — рыбак, он крепко стоит на ногах и приготовил к жизни — шутка сказать — двенадцать детей! «Руки не были связаны, сил не жалел и совесть чиста», — сказал он о прожитом. Пример для нас и укор — это жизнь обыкновенного русского человека. Поклонимся ему из нашего далека.

СВИДАНИЕ С НЕПУТАНЫМ ВОЛКОМ

30 августа мы проснулись в палатке, когда серая сойка, хватавшая вечером еду у нас из-под рук, уже сидела на елке — пора, мол, завтракать. Надо было вылезать из спальника, а не очень хотелось. Жухлые травы возле палатки за ночь как будто посыпали солью. По Фаренгейту было плюс двадцать один, что в переводе на шкалу Цельсия означало пятиградусный тихий морозец. В низины этот верный сигнал наступающей осени придет позже, а тут, на горном плато, осень успела прижиться, ночные морозы преображали зеленый мир тундры в разливы желтых и красных цветов. Сойка, сидя на елке рядом с палаткой, нетерпеливо крутила головой. Она уже знала: из палатки непременно кто-нибудь вылезет, будет греметь на тяжелом столе посудой. За отвагу и поразительное нахальство эту птицу на Аляске зовут «пикниковый ворышка». Тут же, в национальном парке, в местах, где ставят палатки и готовят на костре пищу, сойки похожи на деловитых сборщиков дани. И, конечно, попрошайек тут балуют, хотя все инструкции запрещают животных кормить. Позавтракав в обществе птицы, попрыгав для согрева тела, мы стали ждать назначенной встречи.

Накануне в управлении национального парка нам сказали: «Въезд только в автобусах. Оставьте на стоянке машину и ждите очередь». Пришлось нам с Андреем просить исключения — далеко ехали и важно не только видеть, но и снимать. Нам сейчас же пошли навстречу. «Хорошо, поезжайте. Вот в этом месте поставьте палатку. Утром подъедет рейнджер. Он будет вам проводником».

И вот он, рейнджер (охранник парка) — симпатичная фея с длинными светлыми волосами Синди Полак. После знакомства — инструкция: «Из машины выходить можно. Можно даже залезать на машину, но с дороги — ни шагу, такой порядок».

Дорога — одна-единственная — пересекает весь парк-заповедник. Сто пятьдесят километров, с остановками ехать — как раз к вечеру одолеем. Фея ставит в укромное место свою машину, садится в нашу, и вот он, первый подарок Дороги. Из кустов не спеша выбегает нарядная стайка тундряных куропаток. Сначала птицы бегут перед самой машиной, потом начинают что-то клевать на обочине. Я успеваю извести целую пленку, прежде чем птицы взлетают. Но испугались они не машины. Тень ястреба мелькнула над верхушками елок...

Национальные парки — изобретение американское. Первым был Йеллоустонский парк, учрежденный в 1872 году. Сейчас эта форма охраны природы принята во всем мире. В Соединенных Штатах нацио-

нальных парков в настоящее время более тридцати. Во всех случаях это большие пространства живописных ландшафтов, богатых животным миром. В национальных парках разрешается бывать людям. Они и созданы для того, чтобы можно было увидеть чудеса и красоты природы. В системе американских ценностей национальные парки занимают самое первое место — «им нет цены».

Аляску, если исходить из критериев учреждения этих «музеев под небом», всю целиком можно назвать национальным парком, так мало природа затронута человеком, так много тут удивительно живописных мест. И все же во всем хорошем можно отыскать уголки лучшего. В начале века на Аляске было учреждено несколько парков, получивших национальную славу. В 1980 году, когда определялась перспектива развития этого края, существовавшие парки были расширены, создано было еще несколько федеральных и около сотни парков со статусом «штатных». Не все они пока из-за малой доступности посещаются. Но это неприкосновенный запас дикой природы, которого не должна коснуться хозяйственная деятельность. Если глянуть на карту Аляски, национальные парки с зелеными пятнами по ней рассыпаны как веснушки — тринадцать процентов всей территории. Парк Денали находится в самой середине. Его называют «жемчужиной Аляски», и он имеет такую же славу в Соединенных Штатах, как Гранд каньон, Йосемитский, Йеллоустонский парки. Изначально парк назывался Мак-Кинли, так же, как и гора в его середине, — в честь двадцать пятого американского президента. Но тут тоже исправляют ошибки поспешных названий. Мысу Канаверал во Флориде, названном мысом Кеннеди, вернули название прежнее. И здешнюю великую гору называют теперь по-индейски Денали — Высокая.

Когда летишь на аляскинском самолете, гору видно почти постоянно. Она то ослепительно белая, то озаренная красным светом заката. Парк расположен вокруг горы. Но вечный снег лежит не только на главной вершине. Череда белых зубцов подчеркивает синеву неба. Ниже темные голые скалы, полого спускаясь, достигают полосы тундры, еще ниже темнеют пятна еловых лесов. В долинах они смыкаются, образуя уже тайгу. Таков мир Денали, мир, совершенно не тронутый человеком. Тысячи лет территорию эту с разнообразным миром животных делили бродячие охотники индейских племен. Вооруженные копьями с костяными наконечниками и каменными топорами, индейцы не могли нанести ущерба природе. Они сами были одной из ниток в сложном узоре жизни. Белые люди, впервые сюда попавшие, были очарованы красотой и богатством этого центра Аляски. Национальный парк образован был в 1917 году. Позже к прежней, сравнительно небольшой территории были прибавлены обширные пространства, ставшие периферией, буферной частью парка. На самом краю этой зоны разрешена контролируемая спортивная охота, чуть глубже могут охотиться аборигены-индейцы, а центр заповедника посещают, подчиняясь установленному порядку, лишь экскурсанты. «Увозите с собой только впечатление и фотографии», — гласит наставление для туристов.

Обширная территория парка — более двухсот километров между самыми удаленными точками — не очень доступна для посетителей, и в этом гарантия ее сохранности и покоя. Можно, правда, получить разрешение на пешее путешествие. Но на карте вам обозначат квадраты, куда нельзя заходить, чтобы не беспокоить волков и снежных баранов, не тревожить лосей и оленей в местах отела или где вы очень рискуете встретиться носом к носу с медведем. Желаящие остаться с природой

наедине находятся. Но их немного. Основная масса посетителей парка привязана к проложенной через него дороге. Но надо сказать, именно эта дорога дает наибольшие шансы увидеть животных среди разнообразных ландшафтов. Ни в каком другом месте земли, исключая, быть может, Восточную Африку, такой возможности нет. Дорога петляет по горной тундре, открытой на многие километры. И все, что тут происходит, доступно глазу. Бинокль поможет увидеть подробности жизни птиц и зверей. Но часто бинокль и не нужен. Спектакль непуганой жизни разыгрывается рядом с дорогой — остановись и смотри.

Чтобы эту идиллию не нарушить, существуют строгие правила посещения парка. Главное из них — запрет въезда в автомобиле. Все садятся в автобусы. Их около сорока. С интервалом в десять — пятнадцать минут отъезжающие пересекают границу парка. Гравийная дорога, петляющая по холмам, и на ней желтого цвета букашки-автобусы — выразительный образ парка Денали. Очень часто автобусы на дороге сбиваются в кучу, это значит — рядом пасется медведь, ходят лоси или олени, а может быть, даже охотятся волки, мышкует лиса. Из окон автобусов высунуты бинокли, фото- и видеокамеры, подзорные трубы. Слышен визг ребятишек, вздохи и ахи. Но спектакль продолжается. Животных не пугают не только автобусы, но даже и вышедший из него человек. В редких случаях выход сопровождающий группу рейнджер может и разрешить. Но если медведь при этом не находится ближе четырехсот метров, а волков тут вовсе не беспокоят. Ни в коем случае зверей в парке не разрешают кормить, следят, чтобы у дороги не оставалось «даже шкурки банана».

Влияние Дороги на животный мир парка тщательно изучают. И уже установлено: пятьсот — семьсот тысяч посетителей в год — предел. В другие национальные парки США пускают в автомобилях, и численность визитеров в Йеллоустон, например, достигает трех миллионов в год. Такого громадного пресса природа не в состоянии выдержать. Животные либо покидают пределы парка, либо их принуждают покинуть. Близость массы людей меняет их поведение и образ жизни. Медведи в Йеллоустоне выходят к дороге и попрошайничают либо становятся завсегдатями свалок. Такие звери не могут нагулять жира для зимней спячки и, требуя пищу, становятся опасными для людей. Их удаляют из парка на вертолетах, но они снова и снова сюда возвращаются.

Аляскинский Денали — единственный национальный парк США, где дикая жизнь человеком не деформирована. И вместе с тем она доступна для наблюдения. В притоке людей сюда заинтересованы владельцы гостиниц, ресторанов, магазинов и лавок, расположенных вблизи парка. Но высшие интересы заставляют держаться принятых правил. И Денали, в отличие от многих других «музеев под небом», не стал жертвой своей популярности.

Службу в парке несут сто пятьдесят рейнджеров, администраторов, биологов, информаторов. Посещение парка стоит три доллара. Эту плату можно считать символической, если принять во внимание дороговизну пути на Аляску и стоимость здешней жизни — за вход в небольшой городской зоопарк надо выложить десять долларов.

Привилегия ехать по парку в автомобиле, конечно, вызывает зависть сидящих в автобусе. Автомобиль можно в любом месте остановить. И можно стоять сколько хочешь. Мы не спешим. Тундра, обычно унылая, монотонная равнина, в горном Денали — праздник разнообразия. Пересекаем бурную речку. Съезжаем в долину, по которой летом сбега-

ли воды тающих ледников. Осторожно двигаемся краем пропасти и ныряем в теснину между горами. Лес нависает над дорогой, а чуть поднимаясь выше — открываются дали с кулисами синих гор и царственной белой шапкой главной вершины.

Краски осени везде хороши, но тут природа разложила на виду у дороги ковры всех оттенков: от темно-зеленых и густо-бордовых до огненно-красных и золотистых. По буроватым разливам карликовых безрезок темнеет еловое чернолесье, с холмов, повторяя изгибы невидимых ручейков, стекает желтоватая тальниковая опушь, стайки пронизанных светом осинков, кажется, сами излучают солнечное тепло.

Кричит ворон, напоминая: расцветенный августом мир принадлежит тут не людям. Это дом для жизни многих существ. Ворон круто снижается к речке. В сером мутном ее потоке что-то краснеет... ребра оленьего бока, окровавленные рога. Сорвался зверь со скалы или кто-то загнал его в бурную воду? Ворон садится на елку, принаравливаясь к добыче. А на отмели, на виду, на юру, скучает лисица. Запах крови выманил ее из ольшаников. Но поток, в котором подрагивают оленины рога, слишком опасен, чтобы в него ступить. Из окошек догнавшего нас автобуса на лисицу наводят десятка два объективов, но ее занимает только олень — подбежала к кромке воды, потянула ноздрями воздух... И решила благоразумно не искушаться, нырнула в кусты.

Видеть животных — всегда радость. В подмосковном лесу за день прогулки увидишь зайца — уже событие, которым окрашен весь день. Тут же почти постоянно кого-нибудь видишь. То лось продирается в тальниках, то стадо оленей трусит по мякоти тундры, евразка столбиком застыл у дороги. Или вот что-то заметное на скале. Бинокль приближает к глазам стадо снежных баранов, стоят близко друг к другу, чем-то испуганные.

Мечта всех — увидеть медведя. В парке обитают две сотни бурых и столько же черных медведей. Немножко везенья, и зверя с дороги увидишь. Вот и нам повеселилось. Синди прикладывает палец к губам — «нельзя выходить из машины» — и показывает глазами за гривку кустов. Остановившись, видим медведицу с тремя медвежатами. Пасутся, совершенно не обращая на нас внимания. Интересуют зверей какие-то корешки. Малыши ссорятся, толкают друг друга. Мамаша на это не реагирует, спокойно, чуть косолапя, ковыряет когтями землю. Но вот один медвежонок нарушил какое-то правило поведения и получает от матери такую затрещину, что кубарем катится по откосу к дороге. Сидим в машине, не шевелясь. Медвежонок с полминуты разглядывает нас в упор. Повернувшись, он затрусил к матери, но по дороге увидел что-то живое в траве, хлопает лапой, урчит. К нему устремляется брат. Опять свалка. Глуховатым недовольным рычаньем мать шалунов унимает, и вся группа, не спеша, скрывается за бугром.

Минут двадцать наблюдаем эту занятную сцену. Она обычна. Каждый проезжающий по дороге в течение дня видит что-то подобное. А людям везучим приходилось тут видеть и драматические спектакли. Зоолог парка Джон Ванхорн рассказал нам такую историю. Рядом с дорогой на глазах у людей разыгрался поединок оленя с волком. Обычно волки охотятся стаями. Чем было вызвано нападение одиночки, не вполне ясно. Действовал волк без горячности, насккивал и отступал, не давая оленю двинуться с места. Единоборство продолжалось более суток. Экскурсанты, израсходовав пленку, готовы были дожидаться конца поединка. Но ночью оставаться в парке не разрешается. А Джон поставил палатку и увидел, чем кончилась схватка. Утомленный олень подраги-

вал. Его движения стали неловкими. И волк, выждав момент, вцепился оленю не в горло — самое уязвимое место, а в заднюю ногу и стал медленно пятиться к небольшому обрыву. Олень опрокинулся, и волк мгновенно его прикончил. Любопытно, что к законной своей добыче одинокий охотник даже не прикоснулся — возможно, был сам утомлен и оставил трапезу на потом или охота имела для волка только спортивные побуждения. Скорее всего, включает зоолог, олень был больным или чем-то ослаблен. Волк эту слабость почувствовал и увлекся.

В природе подобные происшествия каждодневны. Но человек их не видит, разве что по следам восстановит картину происходившего. Тут, в Денали — ни в коем случае не вмешиваясь! — можно стать свидетелем частых закономерных и очень редких событий в жизни животных. В парке издается газета, где, кроме разных советов и популярных статей, ведется хроника наблюдений с Дороги. Зафиксирован, например, случай нападения волков на медведицу с медвежатами. Из трех малышей волки отбили двух, и мать, обычно бескомпромиссную в защите потомства, принудили к бегству.

И все издания мира обошли фотографии, сделанные тут, в Денали. Вблизи от дороги медведь постерег и прикончил оленя. Но поживиться добычей ему не пришлось. Пятнадцать волков взяли медведя в осаду. И огромный матерый зверь не мог отстоять свое кровное, бросил и убежал.

Повезло нам увидеть и волка. Правда, ничего особого не происходило, если не считать ажиотажа фотографов на дороге. Осенью, когда живое богатство Денали еще расцветено, сюда устремляются фотографы-профессионалы. Число их стараются регулировать. Заявку на посещение парка надо получить в январе. А в конце августа все сюда прилетают и приезжают. Пускают в парк охотников без ружья ежедневно не более десяти. И вот, видим, маленький табор автомобилей, в совершенстве приспособленных для фотосъемок в природе. На крышах — площадки. К штативам у многих укреплены параллельно фото- и кинокамеры. Момент удачи — он длится порою считанные секунды — техника и сноровка позволяют не пропустить. С нажатием кнопки летит в камеру киноплёнка; как пулемет, фиксируя фазы движения зверя, работает фотокамера. Светосильная длиннофокусная оптика, камеры, автомобили, одежда снимающих камуфлированы зелено-бурыми пятнами. Я со скромными своими возможностями почувствовал себя щенком в этой стае матерых охотников.

Снимали волка. Он сидел на возвышенности у края каменной осыпи и был равнодушен к суете на дороге — смотрел вдаль поверх наших голов, зевал, ловил блох. Он никуда не спешил. Ухо его уловило щелканье и жужжание кинокамеры, он поводит с любопытством глазами по нашей солдатского вида компании и пошел — не побегал, а именно пошел — неторопливо пошел по белесой дресве распада, поднялся к дороге, пересек ее и, оглянувшись, направился к желтевшему на пригорке осиннику.

Кто знает повадки волков, вполне оценит пережитые нами десять-пятнадцать минут. Там, где волки гонимы, на глаза человека они умеют не попадаться, а при нечаянной встрече волка увидишь только мелькнувшим. И потому снимки этих зверей в природе — большая редкость. Тут, в Денали, имея терпенье и время, волков можно встретить и снять, не нарушая их поведения. Происходит это потому, что на вол-

ков тут охотились очень давно, и способом, дававшим зверю большие шансы остаться живым. С открытием парка охота запрещена. Выросли поколения волков. Для которых встреча с людьми ничем не грозит. И если в иных местах человек для волка — воплощение опасности, то тут, как видим, — ни малейшего страха.

Для ученых волк — главный герой этих мест. На учете семнадцать стай, чуть больше двух сотен волков. Наблюдают зоологи также лосей, оленей, снежных баранов. Тут счет на тысячи. И несчетно тех, кто в глаза особенно не бросается, но кто получает убежище в Денали: лисы, бобры, россомахи, куницы, зайцы, ондатры, выдры, множество птиц. Вечером, когда мы готовы были уже проститься с Дорогой, из кустов на серое полотно гравия выкатилось нечто совсем незнакомое. Дикобраз! На азиатского дикобраза походил он лишь отдаленно — меньше размером, тело покрыто мехом, однако были на нем и иголки. Мы дали оторопевшему зверю юркнуть под елки и вылезли из машины проститься с Денали. Предгорья были уже окутаны густеющей синевой, а вершина еще купалась в лучах уходящего на покой солнца...

Таким был день 30 августа. Листая по дороге в Анкоридж книгу, приобретенную в парке, я долго разглядывал помещенный в ней средневековый рисунок. Неведомый художник изобразил на нем рай. Что же было в раю? Речка, деревья, цветы и множество разных животных: олени, лисы, медведи, жираф, носорог, гуси, голуби, цапля, верблюд, белки, совы, бобры, бабочки и стрекозы... Рай! Есть ли он где-нибудь? На земле же человек его видел. Но сегодня от этогорая остались лишь малые островки.

МЕДВЕЖИЙ ПИР

Когда готовился план путешествия по Аляске, этот пункт был особо помечен и назван «изюминкой»...

Есть на Аляске речка Макнейл, а на речке — место, куда летом, когда валом идут нереститься лососи, приходят рыбачить медведи. Не один, не два — несколько десятков!

По фильмам я знал подробности всего, что тут происходит. Но хотелось увидеть и самому. Оказалось сделать это непросто. Речка Макнейл для всех, кто снимает природу, стала фотографической Меккой. Тысячи желающих! Но чтобы не распугать медведей и не подвергать опасности визитеров, к месту великой рыбалки одновременно пускают лишь десять человек. Забрасывают на четыре дня самолетом эту десятку, потом — новая группа. Как удовлетворить без обиды желающих тут побывать? Собирают заявки. И устраивают лотерею. Кому выпало счастье, тот прилетает. В лотерее я не участвовал, и шансов «пожевать аляскинскую изюминку» было у меня немного. Все же друзья через губернатора штата «в порядке исключения» добыли для меня разрешение.

И вот с переводчиком Андреем Клименко, арендовав автомобиль, мчимся по Кенальскому полуострову. Синие горы, темные ели по сторонам, красные огоньки на шоссе, а в небе — до блеска начищенная луна. Дорога — то в гору, то под гору. Булькает радио, лоси два раза в опасной близости перебегают шоссе. Во втором часу ночи прибываем в маленький на носу полуострова городок Хомер. Отсюда на речку к медведям

летают специальные самолеты. Притуляемся рядом с дорогой возле ка-ких-то кустов. Раскладываем в машине спальные мешки. И с грезами о медведях, которые, как говорят, ловят рыбу и ночью, если светит луна, засыпаем.

Утро розное, солнечное. Возле машины видим гигантских размеров ели и тополя, кусты бузины, трава — в человеческий рост. Видно озеро. Там на поплачках — красные, как вареные раки, легкомоторные самолеты. Под ними плавают дикие утки. Сорока аппетитно завтракает на крыле. Мы с Андреем, втягивая носом аромат свежих булок, находим кафе-пекарню, потом в магазинчике рядом берем напрокат удочки, высокие сапоги, куртки. Мы готовы лететь.

Стоимость перелета с носа туда и обратно — двести восемьдесят «зеленых». Обслуживает местные рейсы семейная фирма Дикрефтов. Отец с сыном — пилоты, хозяйка дома с невесткой готовят пассажиров к полетам. Самолеты летают не только к медведям. В один, видим, заталкивают доски, хорошо упакованные кирпичи, листы жести — где-то на озере строят дом. Ожидают посадки люди с рюкзаками, собаками, с надутыми лодками, удочками.

К медведям готовы полететь трое — мы с Андреем и молодой плотник с Великих озер Джон Нили. Он увлеченный фотограф. Визит из Чикаго к медведям обойдется ему в три тысячи долларов. Но у него нет выигрыша в лотерею, надеется проскочить фуксом...

Все готово к полету. 23-летний Хосе Дикрефт уже в кабине. Самолет занимает позицию в дальнем углу озера и начинает разбег. Взлетать с воды тяжелее, чем с грунта. Самолет напрягает все силы, гудение мотора переходит в нутный звон. И озеро нас отпускает. Проплыли внизу приморский Хомер и озеро с катерами и самолетами. Прямо по курсу у нас вулкан Святой Августин. Часть полета над морем — и мы приземлимся в заливе, куда притекает речка Макнейл...

Но что-то озабочено лицо у Хосе, что-то нерадостное для нас сообщают пилоту по радио.

— Ребята, мы возвращаемся. В заливе волна...

Ох, как невесело возвращаться, когда были почти что у цели. Но время отлива, на речку садиться нельзя, а в бухте ветрено — очень большие волны.

— Такое место... — утешает Хосе. — Ничего, завтра утихнет и полетите.

Дождались завтра. Утихло. Но лег на горы туман. Ждем час, другой, третий. На стенах конторки, где оформляют билеты, — дразнящие снимки: медведи ловят рыбу, дерутся из-за нее. И все это в двух шагах от стоящих кучкой фотографов.

— Все это снимала внучка, — говорит пилот Бил Дикрефт. — Рассказывает, могла дотянуться до медведя рукой...

Проклятый туман! Бил, глядя на наши страдания, говорит:

— Давайте попробуем. Может, отыщем в тумане окошко...

И вот опять долго-долго бежит по озеру самолет... Видно над туманом голову Августина и ничего больше. Полетав минут двадцать над мо-локом, прикрывающим горы, Бил виновато разводит руками.

Мы вернулись на озеро, и я был готов уронить в его воды слезу невезенья. Ждать погоды мы уже не могли — жесткое расписание путешествия, договоренность с людьми заставляют проститься с мечтой увидеть медвежий пир на реке. С трудом добытое разрешение и пару катушек пленки отдал я плотнику из Чикаго.

— Может быть, снимешь и для меня. И жду рассказа в письме...

Чикагский плотник оказался обязательным человеком — обещанное прислал. Кроме того, о медведях я расспросил наблюдавших за ними зоологов, просмотрел несколько фильмов. Вот что бывает в июле — августе на аляскинской речке Макнейл...

Тут идеальное место для ловли рыбы — река широко разливается по порогам, образует мели и острова. Лососи, главным образом горбуша и нерка, идут плотными косяками. Только уж очень большой растяпа-медведь не может поймать тут рыбу. Но и ему что-нибудь достается с большого стола таежного ресторана. На рыбалку медведи идут с территории радиусом в сто с лишним миль. Обилие пищи гасит конфликты зверей, ведущих в природе уединенную жизнь, ревниво стерегущих границы своих территорий. Пик численности рыболовов приходится на последнюю неделю июля и на первую августа. Сорок медведей в поле зрения наблюдающих — обычное дело, пятьдесят — считается много, восемьдесят — рекорд. Восемьдесят зверей! Нигде, ни в каком другом месте Земли такую картину увидеть нельзя. Река Макнейл объявлена заповедником. Медведей тут наблюдают, снимают и изучают.

Каково отношение небезопасных зверей к присутствию в их охотничьем мире людей? Фотографов медведи как бы не замечают, могут лечь отдохнуть в метре от площадки, где люди стоят. Никакой агрессивности. Некоторая опасность исходит от зверей молодых, не имеющих опыта. Как реагировать на их поведение, знает гид, без которого на площадке люди не появляются. И вообще существуют строгие правила поведения тут человека.

Самолет садится в двух километрах от места рыбалки. Там можно поставить палатку. Но не разрешается оставлять в ней продукты. Пищу готовят в специальной избушке — запах не должен зверей привлекать. По тем же причинам весь мусор сжигают. Если какой-нибудь любопытный медведь (очень редко!) к лагерю приближается, его прогоняют зарядом некропной дробы.

Из лагеря на площадку уходят утром, возвращаются вечером. С площадки — никто ни шагу. На Аляске при столкновении с медведями бывают две-три человеческие жертвы в год. Тут, на реке, ничего подобного не случилось ни разу, хотя летящих сюда предупреждают: «Риск существует. Но если будете относиться к животным с уважением и вниманием, все будет о'кэй».

Поведение медведей... В первую очередь все бывавшие тут отмечают: что ни медведь — то характер. Есть боязливые, есть равнодушно-спокойные, есть задираны. Рыболовы все прирожденные, однако инстинкты дополняются опытом. Без учебы ничего не получится. Малыши-медвежата внимательно наблюдают за взрослыми и пробуют сами, но в первый год им мало что удается, получают то, что добывает мать. Драки малышей из-за рыбы — обычное дело.

Взрослые ссорятся из-за места. Уловистый островок всегда достанется сильному. И поскольку все друг друга хорошо знают, богу тут достается богово, а кесарю — кесарево. Трепка задается неумехе или ленивцу, норовящему поживиться чужой добычей.

Стиль ловли у каждого зверя свой. Одни караулят лососей там, где они выпрыгивают из потока, и хватают их пастью, другие на мелководье бьют лапой, третьи бросаются в воду и выныривают с рыбой в зубах. Отмечен один новатор — приспособился плавать, подобно аквалангисту, погрузив голову в воду.

Голодный, выхватив рыбу, съест всю. Сытый ест только голову и икру. Пресыщенный занимается спортом: поймает и бросит. Подарки

«спортсменов» достаются тут чайкам, лисам, белоголовым орланам. Чайки, впрочем, не дожидаются щедрости, а норовят трапезничать вместе с добытчиком. Медведи отмахиваются от них, как от мух. Основные звуки рыбалки — шум воды на порогах и крики чаек.

Сцена, на которой разыгрывается этот спектакль, обширная. Но все действующие лица — на глазах наблюдателя. К фотографу в кадр попадает до двадцати зверей. Но это в лучшие сроки. Наш друг из Чикаго, прождав после нас подходящей погоды еще три дня, попал к финалу медвежьего пира — рыба шла уже слабо, и стали поспевать в лесах ягоды. Джон пишет, что застал он семнадцать медведей, а в кадр попадало максимум пять.

Зоологи, наблюдающие медведей каждое лето, многих знают «в лицо», знают характер каждого, знают, кто из каких мест пришел на рыбалку. Есть знаменитости с кличками: Белая Лапа, Заплатка, Стерлинг...

Медведи тоже, как видно, запоминают людей. И это ослабляет их бдительность. Территорию, по которой они разбредаются после рыбалки, посещают охотники. И если какой-то заметный медведь не явился на пир к реке, то очень возможно, что шкура его украшает жилище охотника в Нью-Йорке, Франкфурте или в Париже.

На Аляске обитает примерно (трудно их сосчитать!) сорок тысяч черных и бурых медведей. Самые крупные живут на острове Кадьяк, а наибольшая плотность медведей — в районе городка Ситка на острове Адмиралтейском: один медведь на квадратную милю. Но нигде эти звери не собираются так кучно, как во время летнего пира на речке Макнейл.

ТОЛЬКО САМОЛЕТОМ...

Много раз вспоминал я милый мотив, рожденный в Сибири: «Только самолетом можно долететь...» Очень подходит он для Аляски. Так же просторно, так же безлюдно, так же «поет под крылом» зеленое море леса. И видишь внизу еще речку, красную от идущей на нерест рыбы, видишь пасущихся карибу, медведя возле ручья, индейскую деревушку, домик добытчика золота. Когда на Аляске рекламируют желанную для городского жителя глухомань, на карте непременно присутствует самолет: «Мы — самый летающий штат». Главный город Аляски Анкоридж — мировой перекресток авиалиний имеет самый современный аэропорт. Это перекресток и при местных аляскинских перелетах. За семь недель я так часто улетаю и возвращался в Анкоридж, что веселый малый носильщик стал узнавать мою кепку и дружелюбно подмигивал: «Хеллоу, Сибирь!»

На Аляске 400 (четыреста!) авиационных компаний. Я специально подчеркнул их число, чтобы привыкшие к единоличию «Аэрофлота» не подумали, что ошибка — 400! зачем такая прорва компаний и как они уживаются? Это требует пояснения. И лучше всего прибегнуть к образу кровеносной системы. Есть большие сосуды-артерии, есть сосуды поменьше и есть капилляры, несущие кровь к каждой клеточке организма. Крупных компаний две — «Аляска ээрлайнз» и «Маркаэр». Самолеты первой компании с характерной эмблемой — голова человека в северном меховом одеянии — можно увидеть во многих городах США, начиная с Сизэтла и кончая Далласом. «Маркаэр» — поскромнее, за пределы Аляски ее самолеты не улетаю, но тут она почти равный конкурент ли-

дера. Всюду, где есть большой поток пассажиров, летают самолеты обеих компаний. Нетрудно понять, как выгодна эта система для пассажиров. Ни одна из компаний не позволяет себе зарывать: повысить цены билетов, нарушить расписание, небрежно обслуживать. На все ухудшения для себя пассажир среагирует просто — предпочтет другую компанию. Но всюду, где нет конкуренции, соблазны взять подороже и работать с меньшими хлопотами немедленно себя проявляют. В поселке Барроу мы увидели демонстрацию местных жителей, предъявлявших счет «Маркаэру»: «Грабеж! Цена билета туристу — 399 долларов, а для нас, местных жителей, — 694. Это потому, что нет конкуренции, потому что монополисты!» В самом деле, сюда летают самолеты только одной компании. И расчет: все равно полетят (не бедные, разбогатели на нефти) взяли верх. Возможно, барровчане проглотили бы эту пилюлку, если бы не сильное послабление для туристов — почти вдвое.

А вот как оправдывалась в газете компания «Маркаэр»: «Туристам мы сделали скидку и в интересах Барроу. Туристы приносят поселку миллион долларов в год. Кроме того, с детей поселка берем половину стоимости билета, студентам билет — бесплатно, людям старше шестидесяти пяти — тоже бесплатно...» Барровчане, однако, не успокоились. «Требуем конкурента!» Они уверены: это лучший способ защитить свои интересы. Как тут было не вспомнить о нашем Аэрофлоте, об одной партии, об одном юмористическом журнале, об одной столовой на какой-нибудь Боровск или Касимов. Эскимосы в Барроу поняли роль конкуренции. Мы это тоже должны понять. Без конкуренции все становится самоуверенным и наглым, все вырождается, увядает. И всюду, где нет возможности выбора, люди страдают. Бог сказал: «Адам, вот Ева. Выбирай себе жену». Усмешка рождена остроумием не Нью-Йорка или Парижа. Это юмор эпицентра монополии на все и вся. Перетрачивая жизнь, определяя ее пути, не должны мы забывать о пружине с названием конкуренция, о ключевом этом понятии во всех процессах — биологических и общественных...

Так я думал, наблюдая эскимосов в Барроу. И простят мне читатели отвлечение от темы — вдали от дома неизбежно примеряешь свое и чужое, ставишь плюсы и минусы. Не все тут, как принято сейчас думать, сплошные плюсы. Однако многое стоит внимания. Сочувствуя барровчанам, я все же должен сказать: компания «Маркаэр» — не вол с клыками. Мне, иностранцу — «Добро пожаловать на Аляску!» — была сделана на билеты очень большая скидка. За 500 долларов друзья, растолковав компании, что к чему, купили мне что-то вроде «сезонки» — единый билет на все направления с ярлычками: Фэрбанкс, Барроу, Джуно, Ситка, Кодьяк... — всего полтора десятка названий. В аэропорту у меня отклеивали один ярлычок и тут же давали посадочный лист с указанием места. Все ярлычки с билета я «не слизал». За семь недель путешествия это нельзя было сделать. Таким образом союз с «Оптовым покупателем» для компании не накладен. Мне же покупка отдельных билетов обошлась бы примерно вдвое дороже.

Еще о билетах. Оформляя «сезонку» в офисе «Маркаэр», я узнал: стоимость билета зависит от времени его покупки. За месяц до вылета это может составлять половину цены, которую ты уплатишь, если будешь молить о билете перед самым отлетом. Для экстренных случаев билеты берегут до последнего часа. Но за эту «броню» приходится переплачивать.

Обслуживание... Тут всегда чувствуешь, что тебе рады. При оформлении багажа никакой толчеи. Все чинно стоят у загородки-шнурочка

и к стойке подходят по одному. Оформление идет дотошно, неторопливо, с помещением данных о персоне твоей в компьютер. Багаж взвешивается, но для того только, чтобы знать весовую загрузку самолета. Мой экспедиционный груз почти всегда был велик, однако ни разу меня не послали доплачивать «за перевес».

Дотошно и неформально досматривается ручная кладь. Фотосумку, боясь за пленку, я просил не просвечивать. Досматривали «вручную». Спокойно, вежливо вертели в руках каждую вещь — отвинчивали объективы у фотоаппаратов, разворачивали — «а что это у вас?» — бумажки с катушками пленки...

Полет в любую крайнюю точку Аляски не превышает полутора-двух часов. Вполне довольно было бы прохладительного питья. Нет, кроме напитков — с десятком разных на выбор, от молока до томатного сока — компактный обед. Если была промежуточная посадка — опять угощение: питье, орешки, мороженое... И что еще любопытно, командир самолета время от времени подает голос: «Сидящим по правому борту: сейчас будут глетчеры, мы специально чуть подвернем, полюбуемся...» А на севере, помню, сидели в тумане. С первого раза не вышло. Мысленно мы уже приготовились к возвращению. Но голос, уверенный и спокойный, сказал: «Не огорчайтесь, не вышло с Запада, попробуем с Востока»... Сели. И так захотелось увидеть лицо пилота!

Обо всем, что связано с заботой о пассажирах, рассказать невозможно. Но вот особо выразительный случай. Спешим на такси к самолету, летящему на Кодьяк. И вдруг шофер тормозит.

— По телефону сказали: вам надо вернуться.

— ?

— Вылет из-за погоды будет задержан на три часа...

Мой спутник американец не удивился. Я же с минуту сидел в столбняке, «переваривая» это маленькое открытие. А было все до изыщества просто. Наши адреса с телефоном положены были в компьютер при покупке билета. Рейс задержался. Об этом по телефону из «Маркаэра» оповестили всех, кто собрался лететь. Но мы уже мчались в аэропорт. Какая проблема! Хозяин дома позвонил в таксомоторный парк, а оттуда по радиотелефону все сообщили в нашу машину. Три часа мы провели в доме, сидя за чаем, а не толкались в порту. Впрочем, толкучки там почти не бывает, по причине, о которой я только что рассказал.

За чаем в разговоре об авиации и полетах мой застарелый патриотизм и принцип «за рубежом о Родине — ни полслова плохого», удержали от рассказа о том, что бывает, например, в аэропорту Домодедово, когда рейс или, не дай бог, пять — десять рейсов по какой-то причине застопорились. Я только грустно вздыхал.

— Ты чем-то расстроен? — спросил собеседник.

— Да ничего, — говорю, — что-то голова разболелась...

На Кодьяк мы в тот день улетели. Тех, кто все же коротал время в порту, «Маркаэр» в утешение угостила бесплатным обедом. И это было в порядке вещей. А как же иначе. Рядом гудят моторы другой компании, не будешь внимательным к пассажирам, пассажиры тебя покинут.

Теперь посмотрим, что представляют собой «воздушные капилляры» Аляски. Они начинают ветвиться от городков, куда попадаешь большим самолетом, и кончаются в деревеньках или где-нибудь в дебрях, куда ранее добирались лишь на собаках. В каждой зоне — своя компания. Остров Кодьяк, Фэрбанкс (центральная часть Аляски), Алеутские остро-

ва, эскимосское побережье, район Юкона и так далее — всего пятнадцать разных компаний. «Деревенская авиация» — это маленькие самолеты и свои парни-пилоты, одетые кто как горазд, преданно любящие авиацию и Аляску и живущие жизнью провинциальной глубинки. Их пассажиры — жители деревенок, груз — пища, домашняя утварь, строительные материалы, почта, мебель, моторные снегоходы. У самолетов четкое расписание, из которого выбить может лишь непогода.

Пилот обычно свой человек в деревеньке, встречают его гурьбой, как родного. Все это, впрочем, знакомо по нашему Северу, где люди с пеленок знают летательный аппарат. У нас это чаще всего вертолет. А на небедной Аляске вертолет считается удовольствием дорогим. Рациональней построить возле деревни взлетную полосу и летать на маленьких самолетах.

Пилоты «маленькой авиации» осваивали Аляску. Сменив собачьих погонщиков, они создали капилляры поддержания жизни на всей территории штата. Летают в трудных условиях. И репутация у пилотов «маленькой авиации» на Аляске очень высокая. «Лучшие летчики США», — сказал мне редактор газеты в Анкоридже. И когда я спросил, о чем в первую очередь надо с Аляски мне написать, собеседник думал меньше секунды: «Авиация!»

Я летал с молодыми пилотами в деревеньки на Юконе, на остров Святого Лаврентия, расположенный возле Чукотки, видел, как летчики, соблюдая инструкцию безопасности, все же были как-то смелее, раскованней наших пилотов, точнее сказать, они были самостоятельней в решениях, которые Север заставляет тут принимать.

Теперь о самых легендарных пилотах, о тех, кто умеет сесть и взлететь там, где нет полос для посадки и взлета, кто садится на гребне горы, на леднике, на болоте, на поляне в лесу, на озере, на береговой гальке, на льдине, на полосе отлива. Речь идет о «буш-пилотах», или, сказать по-русски, «кустарниковых летчиках». Их на Аляске много. И работы им всем достает. Они составляют подавляющее большинство из названных выше четырех сотен авиакомпаний. Иногда в компании — два-три самолета. И столько же летчиков вместе с хозяином предприятия. Но много и совершенных малюток: «одна компания — один летчик — один самолет». Задача этих пилотов: доставить тебя куда ты захочешь: на рыбалку, в геологический лагерь, в домик на озере, в альпинистский лагерь, на киносъемку, к месту охоты, на золотой прииск, на остров в море, на речку, где ты решил построить избушку, и хоть на рога к черту. Плати — и доставят.

Самолеты к этому приспособлены и имеют названия в духе Аляски: «Бобр», «Калан», «Утака», «Гусь», «Бизон», «Карибу». Название определяется назначением — садится на воду или на сушу, возит людей и груз или только лишь груз («Бизон»). Есть самолеты, одновременно оборудованные поплавками; лыжами и колесами.

Так работают на Аляске больше трехсот авиационных компаний. С владельцем одной из них, Марти Макдональдом, мы познакомились вблизи Ледовитого океана. В вагончике, похожем на те, где бытуют строители, сидел, положив ноги на стол, веселый человек в линялых джинсах.

— Аж из самой Москвы... Чудеса! Садитесь. Угощайтесь — вот яблоки и конфеты, в холодильнике — пиво.

Разговорившись, мы угостили друг друга еще и хорошими анекдотами, в том числе и про летчиков. Узнал я также: Марти владеет тремя самолетами — возит в тундру нефтяников, возит зоологов и фотографов

в заповедник, возит охотников в горы. Расчет за полеты простой: час работы мотора — 300 долларов. Недешево, но не настолько и дорого, чтобы спугнуть клиентов. Работает Марти с двумя пилотами только летом. «Зимой — Флорида: море, пальмы и женщины». Самолеты Марти перегоняет в Фэрбанкс, там их готовят к будущему сезону.

— На жизнь хватает?

— Концы с концами свожу, иначе зачем бы я тут маячил. Летаем уже восемь лет.

Наш маршрут был измерен на карте ниткой с привязанной на конце гайкой. Марти поиграл пальцами на клавишах электронного калькулятора — мы узнали, во что обойдется нам арктический заповедник. И Марти связался с летевшим на базу пилотом.

— Стив, еще два рейса до заповедника...

— Шей, но я на пределе, уже пять рейсов...

— Стив, поднатужься. И будь внимателен при посадке — повезешь киношников из Бостона и московского журналиста. Я не желал бы, чтобы наша с тобой компания осложнила международную обстановку...

На севере любят и умеют шутить. В шутку я спросил Марти: не знает ли он что-нибудь о нашумевшей истории, когда авиаторы забыли в канадских лесах человека.

— Как не знаю! В подробностях знаю тот случай... Но вы не беспокойтесь, — сказал Марти уже серьезно. — О том, в какой день, кого и где нам надо забрать, заносим вот в эту книгу. Такую же запись делает летчик в своем бортжурнале, и всю информацию у компании вроде моей берет на учет компьютер в городе Фэрбанксе. Тройной контроль. Летите, мы вас не забудем!

Еще с одним «буш-пилотом» я познакомился в Анкоридже. Он лежал на спине под стареньким, красным, как рак, самолетом и что-то чинил. Двухмоторный «Гусь» выпуска 43-го года имел персональное имя «Орен Годсон».

— В честь чего же назвали? — спросил я пилота, паклей вытиравшего для приветствия руки.

— Мое имя, моя фамилия. Моя рабочая марка.

Орен Годсон появился на Аляске случайно — сорок лет назад перегонял кому-то из «нижних» штатов купленный самолет.

— И вот застрял на севере — стал «буш-пилотом». Кого и куда я только не отвозил! Тридцать семь тысяч часов налета!

Мы прикинули с Ореном на бумажке — много ли это тридцать семь тысяч часов? Получилось: в рискованных странствиях по Аляске легендарный, заслуженный «буш-пилот» провел в воздухе больше четырех лет. Орен не помнит, сколько было всего посадок и взлетов. Помнит одну вынужденную, в горах — пассажиры не пострадали, самолет же пришлось чинить. Два сына у Орена тоже пилоты.

— Тоже летают тут на Аляске, правда, на больших самолетах. Я же верен своему «Гусю». И он меня не подводит.

Разговор с ветераном аляскинской авиации состоялся накоротке. Орен Годсон в тот день готовился в пятый полет. Сколько, вы думаете, ему лет?.. Семьдесят!

«Буш-пилоты» — герои Аляски. В местном авиационном музее — галерея портретов, люди разного возраста. Кто-то состарился и скончался в постели. Но большинство умерли как в бою, осваивая Аляску. Самый знаменитый из них, Карл Айлсон, погиб где-то у побережья Чукотки в 1929 году. «Его нашли и схоронили на родине. А самолет где-то в ваших краях. Мечта: его разыскать», — сказал директор музея

Тэд Спенсер. Среди героев, которых поглотил север, портрет Леваневского, фотографии летчиков, перегонявших истребители во время войны с Аляски в Сибирь. А в местном журнале я видел два символических снимка. На одном дюжины две собак, помогают тянуть самолет на рулежную полосу (год 1931-й). На второй фотографии маленький самолет заполнен собаками. Их везут на спортивные состязания. Самолет и моторные сани пришли на смену собачьей упряжке.

И в заключение о двух страстях на Аляске. Одна из них — гонки собачьих упряжек, вторая — увлечение самолетами. Разговор о собаках особый. А что касается личных аэропланов, то их на Аляске немало больше, чем в любом другом штате Америки, — около десяти тысяч. Каждый из пятидесяти жителей этого края, включая стариков и детей, может сесть за штурвал. Самый «самолетный» город на всей планете — Анкоридж: 2400 летательных аппаратов. В городе более двадцати сухопутных и водных аэродромов. Самолеты видишь везде: на озере, где рыбачат, у дачного домика на реке, у въезда в национальный парк, у дорожного ресторана. Учитель деревушки Русская Миссия на Юконе имеет свой самолет... Самолет — удовольствие дорогое, имеют его из-за страсти к полетам, из-за престижа, но, главное, потому, что на Аляске много манящих и малодоступных мест — только самолетом можно долететь...

КАК ПРОДАВАЛИ АЛЯСКУ

Был солнечный день в конце августа. Мы ехали по дороге национального парка Денали. Слово «парк» тут надо понимать не в привычном для нас значении. На обширной территории, украшенной высочайшей горной вершиной Денали, — ничего окультуренного. Парк (заповедник) учрежден в самом центре Аляски для охраны дикой, не тронутой человеком природы. Разговор об этом особый. Теперь же я вспоминаю дорогу по парку. С нее направо и налево открывалась горная тундра с островками еловых лесов. Прихваченный первыми ночными морозами ковер тундры сиял желтыми, малиновыми, пурпурными красками. По этому полю — высокие темные ели. И окаймляли цветное пространство зубцы синих гор. Денали среди них возвышалась позолоченной солнцем сахарной головой. Было тепло и тихо. Мы не спешили. А повод остановиться находился все время — на открытом пространстве можно было увидеть медведя, лося, оленей. В одном месте четыре рослых самца карибу паслись почти рядом с дорогой. Я влез на бампер автомобиля — снять живописные темные силуэты на желто-малиновом одеянии тундры. Рядом притормозила еще машина. Двое американцев, скорее всего путешествующие молодожены, скинув обувь, вскочили на крышу своего вездехода и тоже принялись щелкать... Много мы извели пленки, потому что олени совершенно нас не страшились. Съемку мы даже сопровождали смачными восклицаниями — так хороши были эти четыре оленя и так хорошо все было кругом. Американцы, уловив незнакомую речь, спросили:

— Вы откуда?

Я сказал. И тут началось нечто невообразимое. Молодожены прыгнули на дорогу и стали трясти нам руки.

— Большое спасибо, что продали нам Аляску!!! Сэнк ю, вэри мач! Благодарность была искренней. И такой бурной, как будто купля-продажа совершилась позавчера и я, прилетевший сюда из Москвы, был к этому как-то причастен.

Олени потихоньку ушли за гору. Американцы уехали. А мы еще стояли, любуясь сверкавшей вершиной Денали и теплыми красками осени. Да... Когда-то, не так уж давно, это все называлось Русской Америкой.

Об Аляске с года ее продажи в России старались не вспоминать. И до сих пор многим не ясно: продали — как, почему? Глупость, недалекость, чьи-то темные происки? Многие даже не знают время продажи. Раз пять я слышал такие примерно слова:

— Ну что за дура была эта баба, Екатерина II

Почему-то Екатерине приписывают продажу Аляски. Между тем все совершалось не так уж давно — при царе Александре II, когда было уже отменено крепостное право, когда Львом Толстым были уже написаны «Севастопольские рассказы», когда парусные суда стремительно вытеснялись «железными кораблями» с паровыми машинами, когда из Петербурга в Вашингтон уже можно было послать телеграмму. В переговорах о продаже Аляски телеграф был задействован. Правда, штука эта была еще дорога. За одну только депешу о подробностях сделки русский посланник Эдуард Стекль заплатил десять тысяч долларов золотом.

Из-за того, что царей у нас принято было только ругать, представлять недалекими и безграмотными, в публикациях, приуроченных к столетию сделки (Аляска продана в 1867 году), уступка Америке представлена как совершенное втайне головоутиение с намеком на закулисные силы — «не обошлось и без взяток». И это вполне убеждало: э, вон какой кусок упустили, с какими богатствами!

Мне интересно все же было узнать: а что по тому же поводу написано в «стране-покупателях»? С переводчиком мы «перелопатили» много статей и несколько книг. Было ясно: царь Александр и несколько важных персон, втайне готовивших сделку, круглыми дураками не выглядят. Я уже вывел на чистом листе заголовок этого очерка, когда узнал: только что вышла книга Николая Николаевича Болховитинова о русско-американских отношениях в прошлом веке и о продаже Аляски. Не без труда я книгу добыл. С огромным интересом ее прочел. Предвижу высокую оценку обстоятельного труда историками. Я же, рядовой читатель, закрывал книгу с благодарностью автору за непредвзятый взгляд на прошедшее и маленькой радостью — результаты скромных моих «изысканий» не разошлись с серьезным научным исследованием.

Итак, почему же продали? Прочтем сначала фрагмент письма, в котором содержится главная суть причины. «...Мне пришла мысль, что нам следовало бы воспользоваться избытком в настоящее время денег в казне Соединенных Северо-Американских Штатов и продать им наши Северо-Американские колонии. Продажа эта была бы весьма своевременна, ибо не следует себя обманывать и надобно предвидеть, что Соединенные Штаты, стремясь постоянно к округлению своих владений и желая господствовать нераздельно в Северной Америке, возьмут у нас помянутые колонии и мы не будем в состоянии вернуть их. Между тем эти колонии приносят нам весьма мало пользы и потеря их не была бы слишком чувствительной...»

Письмо, адресованное министру иностранных дел России А. Горчакову и подписанное «Константином», датировано мартом — апрелем 1857 года, то есть речь о продаже Аляски идет за десять лет до случившегося и говорит о том, что дело решалось не скоропалительно.

Кто такой «Константин»? Это младший брат царя Александра II, Константин Николаевич Романов, глава морского штаба России. «Генерал — адмирал — либерал». Так с прибавкой к двум первым официальным словам еще одного можно его называть, имея в виду положение и образ мыслей Великого князя.

Впервые ли «Константином» высказана мысль о продаже Аляски? Первый раз Аляску американцам попытались продавать фиктивно, задним числом, из-за боязни, что в начавшейся Крымской войне англичане, обладавшие мощным флотом, отторгнут далекую, незащищенную колонию. Фиктивная продажа не состоялась. Очевидна была ее юридическая уязвимость. Изменились и обстоятельства в поведении Англии. Но идеей продажи Аляски — уже не фиктивной, а настоящей — в Вашингтоне заинтересовались. «Не готова ли Россия продать свои американские территории? Страна ведь нуждается в средствах» — примерно так спросили петербургского посланника в Вашингтоне. Тот ответил, что это невозможно, но разговор не забыл и, конечно, рассказал о нем на Неве, изложив и свою точку зрения на проблему. В Петербурге информация приняла к размышлению и при сем, естественно, обнаружилось: сосед у Русской Америки очень опасный.

Соединенные Штаты энергично, как выразился Великий князь, «округляли» свою территорию. Наполеону, когда он увяз в европейских военных делах, предложили продать Луизиану. «Маленький генерал» вполне понял смысл предложения — «не продашь — возьмут даром» — и согласился, получив за огромную территорию (двенадцать нынешних штатов) пятнадцать миллионов долларов. Таким же образом Мексика была вынуждена уступить сильному и настойчивому покупателю за пятнадцать миллионов долларов Калифорнию. Купля состоялась после того, как у Мексики силой был отнят Техас.

Слово «округление» — мягкое. Эквивалент ему — слово *э к с п а н с* и *я*. Интересно, что слово это в середине прошлого века было в большом ходу у государственных деятелей США. В стране царило опьянение непрерывным успешным расширением территории. «Америка — для американцев» — таков был смысл провозглашенной доктрины Монро. В публикациях и речах содержались мысли о «предопределении судьбы» владеть всем континентом в северной части Америки. Вот образец таких выступлений. «Стоя здесь в Миннесоте и обращая взор к Северо-Западу, я вижу русского, который озабочен строительством гавани, поселений и укреплений на оконечности этого континента как аванпостов С.-Петербурга, и я могу сказать: «Продолжай и строй свои аванпосты вдоль всего побережья, вплоть даже до Ледовитого океана — они тем не менее станут аванпостами моей собственной страны — монументами цивилизации Соединенных Штатов на Северо-Западе». Сказал это Уильям Сьюард. Запомним имя. Человек этот станет главным действующим лицом в купле-продаже Аляски.

Стратегически мыслявший Великий князь Константин хорошо понимал, что дальнейшее «округление» неизбежно коснется русской колонии, и настаивал: надо продать, иначе отнимут. Его консервативный брат царь Александр тоже все понимал, но колебался — расставаться с территорией, открытой русскими и почитавшейся «царевой гордостью», было непросто.

Отношения России и Штатов в это время были враждебны? Ни в коем случае! Подчеркнуто дружескими, временами даже сердечными. Во время Крымской войны Соединенные Штаты открыто заявили о своих дружеских отношениях с Россией. Они активизировали торговлю, поставляя оружие и снаряжение воюющей армии. Готовы были послать добровольцев и сообщали о продвижении кораблей неприятелей. Россия эту поддержку не позабыла. Во время войны Севера с Югом, когда решалась судьба неделимости Штатов, Россия была единственной крупной державой, заинтересованной в целостности страны. Борьба с рабством в Америке и крепостничеством в России сблизила общественность двух держав. Визиты русских кораблей в США и американских в С.-Петербург сопровождался ликованием людей.

Наивысший подъем дружеских отношений приходится на 1886 год, когда американским морякам были оказаны высшие почести на Неве и когда они посетили затем Москву, Нижний Новгород, Кострому, Тверь. Общественные деятели всех слоев общества «от Каткова до Герцена» приветствовали дружеское единение России и Соединенных Штатов. Газеты были полны прочувствованных статей о естественности «далекой близости». «Из всех стран на земле наиболее популярными в России остаются Соединенные Штаты. Между русскими и американцами никогда не было ни антипатий, ни серьезного столкновения интересов, и только от России США неизменно слышали слова симпатии и дружбы». Это краткое изложение одной из статей в московских газетах хорошо характеризует атмосферу отношений двух великих держав в то время.

Никакой видимой угрозы Аляске не было. Но оставалась угроза потенциальная. И все, кто это хорошо понимал, приходят, наконец, к согласию: «надо продать». Побеждает точка зрения Константина: продать «заблаговременно и дружелюбно, иначе вопрос разрешится завоеванием». Посвященные в эту проблему тщательно взвешивали все факторы, толкавшие к нелегкому решению.

Что же учитывалось? Первое — состояние колонии. За 125 лет с года открытия Америки с запада огромная территория была практически не освоена. Очень редкие населенные пункты, фактории и зверобойные базы располагались только по побережью и в нескольких точках по течению Юкона. Проникновение внутрь континента, во избежание стычек с индейцами, колонистам было запрещено. Общая численность русского населения здесь колебалась от шестисот до восьмисот человек. Экономическое положение территории было непрочным и ухудшалось. Сливки доступных в то время богатств были тут уже сняты. Пушной промысел продолжал оставаться экономической базой колонии, но каланы с их драгоценным мехом были почти полностью перебиты. Число котиков, правда, исчислялось еще миллионами, но их шкуры в то время высоко не ценились, а норок, лис и бобров надо было скупать у индейцев, промышлявших на суше. Чтобы как-то устоять на ногах, акционерная компания, монопольно выполнявшая роль «эконома», администратора и стража Русской Америки, была вынуждена продавать уголь, рыбу и аляскинский лед (покупателем был Сан-Франциско, холодильников тогда еще не было). Концы с концами у компании перестали сходиться. На содержание территории нужны были государственные дотации. Последствия Крымской войны, истощившей Россию морально и материально, заставили царя и его дипломатов изменить курс внешней полити-

ки. Решено было «сосредоточиться» и отказаться от «округлений». (Россия практиковала их с не меньшей энергией, чем США.) Больше того, обстоятельства заставляли сделать «округление» со знаком минус — пожертвовать на Тихом океане Аляской и сосредоточить усилия на освоении Приамурья. Для этой предпочтительной «континентальной цели» нужны были средства. И продажа Аляски обещала как-то пополнить казну.

Но главной причиной продажи была уязвимость колонии. Покоренные алеуты сотрудничали с русскими поселенцами, перенимая их образ жизни. Племена же индейцев покоренными не были. Они «потеснились» на своих землях, но не признали чужого господства и жили с русскими в состоянии «холодной войны». Английские и американские торговцы, проникая сюда, снабжали индейцев оружием и подстрекали к мятежным действиям. Сама столица Аляски Новоархангельск могла стать «жертвой ножа и пожара». В удаленной от побережья части Аляски на Верхнем Юконе, проникнув со стороны Канады, англичане в 1847 году учредили факторию. И русские с этим вторжением были вынуждены мириться. Прибрежные воды Аляски кишели китобойными кораблями разных держав. И с ними колония тоже не могла справиться. Международное право признавало ее собственностью лишь полосу воды «на расстоянии пушечного выстрела от берега». И китобой ввели себя, как бандиты, лишая аляскинских эскимосов главного средства к существованию. Жалобы в дружественный Вашингтон — «уймите своих флибустьеров!» — цели не достигали. Переписка двигалась долго, и ответы не обнадеживали: «Мы не можем ничего с ними сделать. Ищите средства их отогнать». О золоте, открытом к этому времени на Аляске, памятуя о «калифорнийской горячке», русские благоразумно помалкивали, знали: никакая сила не способна сдержать лихорадку золотоискательства.

И, наконец, перед всеми, кто «присмотрелся» к проблеме, поставлен был главный вопрос: способна Россия в случае войны защитить Аляску? На это сторонники и противники попятного «округления» единодушно ответили «нет». И тогда царь будто бы сказал: «Ну и окончен спор. Продаем. Торговаться Россия не будет, пусть сами назначат хорошую цену».

Вопрос был решенным. В присутствии пяти человек «особого заседания» 28 декабря 1866 года царь подписал документ о продаже Аляски. Все делалось втайне по причинам вполне понятным. Сама уступка Аляски была для России делом отнюдь не почетным. И был еще деликатный момент: Соединенные Штаты, еще не пришедшие в себя от гражданской войны, в данный момент о подобной покупке не помышляли. Посланник Эдуард Стеклъ, прибывший в Вашингтон, должен был, предложив сделку, повернуть дело так, чтобы инициатива покупки исходила от Соединенных Штатов. Задача посланника упрощалась тем, что государственным секретарем в это время был Уильям Сьюард, философия которого о «предопределении судьбы» изменений не претерпела. Сообщение Стскля о предложении Петербурга было для него великой радостью. Работа немедленно закипела. Было опрошено мнение президента и всех, кто мог быть к делу причастен. Утрясли цену. И Стеклъ послал в Петербург ту самую, стоявшую десять тысяч долларов телеграмму. Смысл ее состоял в том, что США предлагают России продать Аляску на таких-то условиях. Ответ Петербурга был лаконичным: согласны.

Стекль рассказывает, что с телеграммой в кармане он пришел к государственному секретарю домой. Доложив новость, посланник сказал, что завтра можно будет подписать договор. «Зачем ждать завтра, мистер Стекль? Давайте заключим договор сегодня вечером», — вскочил горевший нетерпением Сьюард. Было уже поздно, но по городу Сьюард послал курьеров собрать работников госдепартамента. Работали ночью. «К 4 часам утра 30 марта 1867 года договор был переписан красивым почерком, подписан, скреплен печатями». По американским законам его теперь должны были утвердить сенат и конгресс. Объявили за покупку и плату — 7 миллионов 200 тысяч долларов. Это было больше, чем ожидал Петербург, снабдивший Стекля инструкцией: «5 миллионов, не меньше». Но, конечно, это была ничтожная плата за громадное приобретение. И пусть доллары того времени были в несколько раз тяжелее нынешних денег, все равно мы можем сказать: Аляска продана за бесценок. Только одного золота в ней добыто уже на сумму, в две с половиной тысячи раз большую той, что была уплачена при покупке. В аляскинских газетах я прочел сообщение: за один только час в 1988 году у берегов полуострова было поймано рыбы на сумму, превышающую плату при покупке Аляски. Конечно, продажа с позиций нынешних выглядит неким абсурдом. Но все происходившее в прошлом мы обязаны рассматривать в контексте существовавших ценностей и обстоятельств. И приговор — головоутиение, совершенное вопреки здравому смыслу, — нельзя считать справедливым.

Между прочим, у Стекля и Сьюарда были трудности с оформлением покупки. Брюзжали в сенате: «платим деньги за ящик со льдом», «глупость Сьюарда», а в конгрессе и вовсе дело застопорилось. Пришлось давать взятки. Но не Сьюард давал, а Стекль, опасавшийся срыва сделки. Давал редакторам за поддержку в газетах, политикам за речи в конгрессе. Больше ста тысяч долларов было списано Петербургом по тайной статье расходов «на дела, известные императору». Двадцать пять тысяч долларов было пожаловано посланнику за труды. Царя Стекль поблагодарил, друзьям жаловался: мало. А что касается «подарка» истории, то дела обстоят так. Именем Сьюарда на Аляске названы полуостров и город. След же Стекля после службы царю затерялся...

Так уж сложилось, Аляска не могла быть не продана. Но в продаже доблести не было. Героем был покупатель.

Как реагировал мир? Штаты были довольны, но оценить по достоинству громадный «довесок» к своей территории еще не могли, потенциальное богатство края заслонял образ «ящика со льдом». Недруги России злорадствовали — продажа Аляски была признанием слабости. У англичан к этому чувству прибавлялась озабоченность с огорчением — ее владения в Америке попадали в тиски между новой северной территорией и «нижними» штатами США. В русских столицах общественность глухо роптала — «не амбар продан!» Но широкой огласки «не почетное дело» не получило. И, наверное, тогда же появилась легенда: Аляска продана, но не навечно, а только на 99 лет. Правительство эту легенду, выгодную для успокоения умов, не отвергало, и дожила вера до наших дней.

На Аляску весть о продаже ее дошла лишь в мае 1867 года. Для обитателей Русской Америки новость была и горькой, и неожиданной. Губернатор колонии Дмитрий Петрович Максutow «пришел в бешенство». Как личное горе приняли эту весть все, чья жизнь была связана

с освоением территории. Сто двадцать шесть лет прошло с года открытия этой части Америки. Карта громадного края пестрела именами русских землепроходцев, моряков и правителей. И теперь вдруг все становилось чужим. Легко представить, каким тут было «эвакуационное лето», когда на кораблях и лодках вест о продаже Аляски разносилась по редким прибрежным поселкам.

Спешно и за бесценок губернатор продал новым владельцам Аляски несколько небольших кораблей, лодки, недвижимость, меха, табак, продовольствие. Официальная передача колонии в новые руки состоялась 18 октября 1867 года. Площадь перед «замком» губернатора в Новоархангельске была заполнена прибывшими с разных мест колонистами, русскими и американскими солдатами. Были тут речи, стрельба из пушек, с высокой мачты спустили российский и подняли американский флаг. «Перегоревший» к этому времени губернатор Максудов «наблюдал церемонию с отстраненным спокойствием, его молодая жена принцесса Мария Максудова смахивала платком слезы».

Людам предложено было: кто хочет остаться тут — оставайтесь, кто не хочет остаться — готовьтесь к отплытию. Всего в колонии русских в этот момент было 823 человека. 90 из них пожелали остаться. Но когда состоявший из разного сброда гарнизон американских солдат начал бесчинствовать, некоторые из желавших поначалу остаться поспешили на последний корабль. Столица русской колонии Новоархангельск, переименованная в Ситку, через некоторое время превратилась в город-призрак. Жить тут осталось двадцать семей. Из них пять было русских.

В «нижних» штатах об Аляске скоро забыли. И тридцать лет ее как будто не было. Заговорили, и громко, на всех языках, об Аляске, когда началась «золотая горячка». С тех лет у этого края прочная репутация очень богатой и живописной земли. 18 октября ежегодно тут отмечается День Аляски. В Ситке праздник проходит особо торжественно. На костюмированном представлении присутствует «русский губернатор с принцессой», палят пушки, спускается русский и поднимается американский флаг.

Мой приятель, бывший однажды на празднике в Ситке, рассказал, что и ему пришлось принимать благодарности: «Сэнк ю вэри мач за Аляску!»

— Ну а ты? Нашелся, что отвечать?

— Нашелся, конечно. «Очень рад,— говорю,— что в хорошие руки попала Аляска».

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Аляска больше, чем вы думаете...	3
2. Родимое пятнышко Севера	9
3. Восьмое чудо	16
4. Помолись ворону	21
5. Хижина Джека	28
6. Русаки на Аляске	35
7. Свидание с непуганым волком	44
8. Медвежий пир	49
9. Только самолетом...	52
10. Как продавали Аляску	57

В. ПЕСКОВ

СЕСТРА АЛЯСКА

Редактор В. К. М а м о н т о в

Составитель Г. В. Я н ч у к

Художник С. Ю. М е л ю ш е в

Технический редактор Т. Я. К о в ы н ч е н к о в а

Сдано в набор 10.10.91. Подписано к печати 28.11.91. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 3,68. Уч.-изд. л. 5,31. Тираж 60000 экз. Заказ № 980. Цена 20 коп.

Типография издательства «Пресса». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Сканирование - Беспалов, Николаева
DjVu-кодирование - Беспалов

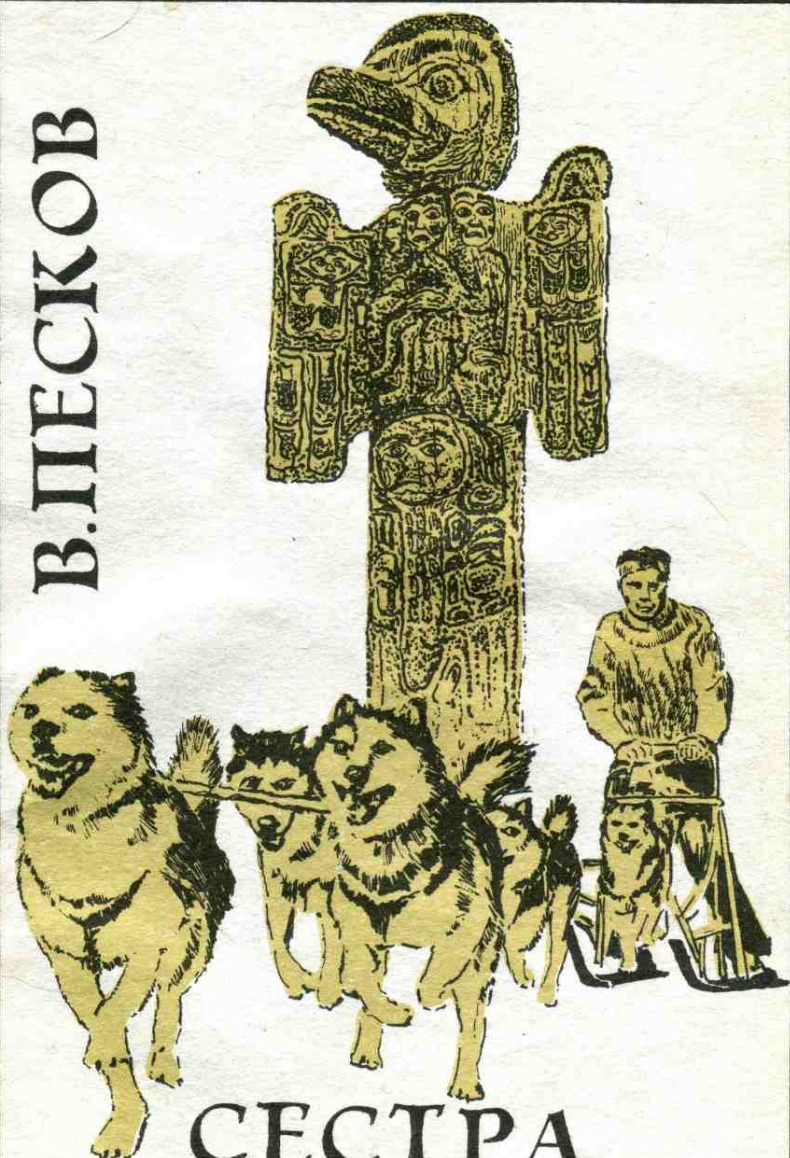

909 320 9293
Гена Нурсен
47

250 ЛЕТ НАЗАД
РУССКИЕ МОРЕХОДЫ
ОТКРЫЛИ АЛЯСКУ

В. ПЕСКОВ

СЕСТРА
АЛЯСКА